

Читайте уникальные материалы П.Д. Федотова

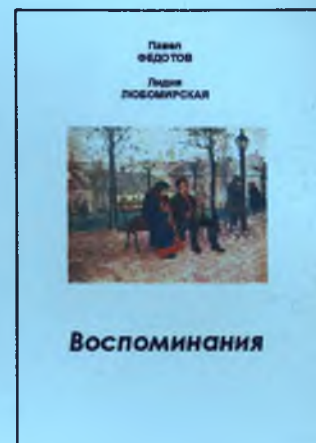
Самая читаемая книга.
П.Федотов. «Земля
родная», часть I

Вторая часть самой
читаемой книги.
П.Федотов. «Земля
родная», часть II

Книга Л. Любомирской
по архивным
материалам
П.Д. Федотова

Воспоминания
П.Д. Федотова о
череповецкой деревне
начала XX века

К 1427342

✓ос

Лидия
ЛЮБОМИРСКАЯ

(по материалам П.Д.Федотова)

Дворянские
гнёзда

Неизвестные
архивы

**Лидия
ЛЮБОМИРСКАЯ**

По историческим материалам П.Д.Федотова

Дворянские гнёзда

Неизвестные архивы

Светлой памяти моего отца –
учителя и краеведа
Федотова Павла Дмитриевича.
К столетию со дня его рождения (27.01.2006 г.)

к 1427342

Череповец
Украина
2007

Павел Дмитриевич Федотов
в возрасте 66 лет
со своей собакой по кличке Тайга

ДВОРЯНСКИЕ ГНЁЗДА

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

На том месте, где теперь располагается посёлок Малечкино, раньше стояло село Алексеево – усадьба помещика Гальского. Малечкино же было расположено четырьмястами саженьями ниже – в юго-западной стороне – напротив места, где сейчас тянутся к небу сухими ветвями мрачные тополя – остатки малечкинского сада. Вторым названием села Малечкино являлось название «деревня Коровинская тож».

По древней легенде, основателем села Малечкино считался богатырь Малечко – один из шести богатырей, пришедших в наши края, скрываясь от мести Святополка Окаянного (1015-1019 гг.), прозванного так за свои злодеяния и убийство благоверных князей Бориса и Глеба – сыновей Великого Киевского князя Владимира Красное Солнышко. Пришли верные слуги убиенных князей вместе с дружинниками и семьями от града Ростова – вотчинного удела князя Бориса. То были богатыри: Нилко, Кошт, Малечко, Парфенко, Турко и Ярогомж.

Нилко волосами был чернявый, красивый, любил петь русские народные песни. Богатырь Ярогомж отличался громадным ростом и ходил так быстро, что никто из дружины и угнаться за ним не мог. Турко обладал большой силой – на охоте брал за рога дикого быка и валил его на землю. Парфенко – высокий, красивый и застенчивый, как девушка, играл на волынке и пел грустные песни. Малечко при небольшом росте имел такую силу, что ударом своего меча разрубал пополам дикого вепря.

Сначала богатыри поселились все вместе на горах, покрытых в то время вековым еловым лесом. На восточной окраине гор, на одном из четырёх холмов, поставили прибывшие небольшую деревянную часовню во имя убиенных благоверных князей Бориса и Глеба.

Богатырь Парфенко остался жить на горах, и тогда они стали называться Парфёновы горы. И деревня в долине, проходившей между гор, состоявшая всего из четырёх хозяйств, получила то же название – Парфёновы Горы. Малечко выбрал место вблизи гор, с их южной стороны у водного ключа, вытекавшего из-под большого камня и небольшим ручейком вливавшегося в речку Бильково. Речка Бильково впадала в Каменку, а Каменка – в речку Кошту. Ярогомж со своей дружиной поселился на горе за болотом в семи верстах от Парфёновых гор, богатырь Кошт в пяти верстах к западу от Малечкино, и то место стали называть Коштою. Нилко устроился за Коштою, и селение обрело

Святые благоверные князья-страстотерпцы Борис и Глеб. Первые вселенские святые от Русской церкви

название Нилаское (теперь Нелазское). Турко поселился в четырёх верстах севернее Малечкино, и ту местность назвали Турково. Позже, когда деревню Парфёновы Горы её владелец переселил в Турково – Турково переименовали в Парфёново, а горы начали именовать Малечкинскими.

Все четыре холма покрывал дремучий еловый лес. На дороге, идущей между гор по лощине, всегда стоял мрак, будто уже опустившиеся вечерние сумерки. Эта просёлочная дорога, пролегающая в лощине между гор с юга на север, вела из слободки Череповесь в древнюю Шухтовскую волость. Отдельные холмы Малечкинских гор получили название близлежащих населённых пунктов: Афонинская гора – холм, что стоял ближе к деревне Афонино; Малечкинская – что находилась недалеко от малечкинского сада; Алексеевская – рядом с селцом Алексево (нынешнее Малечкино), а Шиляевская гора – по названию находившейся на ней деревни Шиляево. Сама же деревня Шиляево получила своё название от прозвища татарского сборщика дани баскака Шилея, жившего там во времена монголо-татарского ига.

На Алексеевском холме, в юго-восточной части леса, стояла вековая часовня во имя Бориса и Глеба, покрытая в два слоя еловыми плахами, на её крыше росли ёлки высотой до 2-3 метров. Старожилы говорили, что в часовне хранилась древняя икона благоверных князей Бориса и Глеба, привезённая, видимо, богатырями-первопереселенцами. (Впоследствии, эта икона бесследно исчезла.) За часовней раскинулся древний погост и возвышалась церковь. Но, как рассказывала папина

**Бывший Алексеевский холм.
Всё, что осталось от
Малечкинских гор.**

бабушка Христина Маслякова из деревни Калининское, однажды в горах произошло землетрясение, это было ещё до прихода «польских панов», примерно в середине 16-го столетия.

Ранней весной, когда после зимних морозов только начала отходить земля, в Малечкинских горах раздался такой грохот, что не только земля дрогнула – покачнулись в ближайших деревнях избы и попадала с полок посуда. Крестьяне так напугались, что не выходили из своих домов сутки и думали, что наступил конец света. В горах получился оползень с образованием карстового провала. Церковь, стоящая на этой горе, упала в провал, часовня же устояла. С юго-восточной стороны горы на ровном месте образовался другой провал. Оба провала со временем залило водой, и из них получились как бы два озера. А ещё позже впадину между гор, куда упала церковь, затянуло песком – это место люди называли «зыбульником». Не один человек

погиб в зыбучем песке по незнанию, либо неосторожно спускаясь во впадину. Говорили, что нашёл там свою смерть и татарский баскак Шилляй, загнанный туда крестьянами принудительно. Церковь Бориса и Глеба построили новую, но уже не на горах, а за деревней Заякошье – по дороге в деревню Войново. Там же стало находиться и местное кладбище.

В 1610 году на Русь пришли польско-литовские паны-захватчики во главе с самозванцем Лжедмитрием. От Москвы «проклятые ляхи» (как называли их в народе), добрались и до наших мест. Сначала они разграбили и сожгли Воскресенский монастырь. Архимандрит монастыря Моисей Арцыбашев и монахи приняли бой и почти все погибли. Паны же сели в лодки и поплыли по Ягорбе вверх. Они разорили и сожгли церковь, стоящую у деревни Заякошье, сожгли и часовню в деревне Калинское.

Пожар увидели мужики, выставленные дозором на Малечкинских горах. Собрались с дубинами и рогатинами жители близлежащих деревень: Курилово, Федорово, Шиляево, Афонино и др., чтоб достойно встретить польских разбойников. Произошёл большой бой, подробности которого не сохранились в памяти людей, но предание гласит, что много убитых и живых панов поглотил тот зыбучий провал в горах, образовавшийся после землетрясения. Остальные поляки побежали назад к Ягорбе той же дорогой. Крестьяне добились их дубинками в местечке Присеки, находившемся в дремучем лесу по дороге из деревни Калинское в деревню Тоншалово. Трупы панов сбросили в небольшое озерко под названием Ручейковое – сейчас там топкая болотина. Проклятые паны приходили в наши места ещё три раза: в 1612, 1614 и 1618 годах. Многие из селений тогда прекратили своё существование на многие годы, а иные и навсегда исчезли с лица земли. Через 100-150 лет возродились деревни: Носовская, Калинская, Войново, Шихово (Альмашиха), Заякошье, Дементьево, Ивашево, Афонино, Федорово, Кошта, Веретье, Старина, Кононово и Леонтьево. А селения: Тюнга, Шиляево, Лешуково, Негодяево, Медвежий Бор, Лустная Гора, Загорье, Прислон, Карлуш Пупулин, Карлуш Семенов, Киргады, Шакшино, Шепелево, Якушево, Давыдовская, Лукинская, Губинская, Осюнинская и ряд других деревень не возродились уже никогда, и теперь даже трудно предположить, где находилось большинство этих селений.

Возрождение населённых пунктов началось с возрождения церквей. В Белозерской писцовой книге за 1678-79 годы записано так: *«Погост, а на погосте церковь Святых Страстотерпцев Бориса и Глеба на церковной земле; да на той же земле полдеревни Заякошье. Во дворе поп Никифор Кузмин, а у него дети: Герасимко 13 лет, да Федосейко году, да на погосте же на церковной земле просвирня – вдова Александра Ивашкова, жена Мокеева, у неё сын Автомонко Иванов 10 лет»*. В 1694-95 годах помещики Дешины – Дорофей и Григорий Кондратьевичи перевезли церковь из-за деревни Заякошье к себе в

сельцо Дементьево, там же образовалось и сельское кладбище. Вот как записано в Белозерской писцовой книге за 1710 год: «В селе Дементьево на погосте церковь Покрова Пресвятыя Богородицы в приделе Благоверных князей Бориса и Глеба. Здание деревяное, стоит на помещицъей земле».

В 1812 году, после изгнания французов из России, вернулся с войны местный помещик Пётр Голохвастов и на свои средства, в честь победы над Наполеоном и дабы увековечить своё имя, решил построить кирпичную церковь с колокольней в селе Дементьево во имя тех же князей Бориса и Глеба. Церковь строилась силами крестьян Малечкинской и Нелазской вотчин. Они копали глину и делали кирпичи в специальных формах – ящиках без дна. Глину мужчины и женщины наминали пятками своих босых ног. Такой кирпич в то время назывался «подпяткой» и считался самым прочным. Другие же крестьяне делали раствор и выкладывали стены церкви. Всё это происходило под присмотром бурмистра Самсона Ивановича. Строительство летней церкви и колокольни при ней закончили в 1815 году, и после его окончания начали строить, тоже из кирпича, зимнюю церковь. Долевое участие в строительстве принимали уже все местные помещики, крестьяне которых были прихожанами этой церкви, как то: помещик сельца Малые Сельца – Сомов; помещик сельца Алексеево – Гальской; помещик села Дементьево – Комаровский, и Голохвастов – помещик сельца Малечкино. Славными были дела предков наших, и на фоне их ещё бесславнее и горше воспринимается вандализм нынешних дней и разрушение этих прекрасных святых храмов. В 1937 году обе церкви закрыли. С колокольни летней церкви сбросили колокола, а в церкви устроили кузницу.

Образ Покрова
Пресвятой Богородицы

В храме Покрова Пресвятой Богородицы (зимняя церковь) открыли ремонтно-механические мастерские, после окончания Отечественной войны летом в храм поселили пленных немцев, позже устроили склад комбикормов.

Священник Филадельфин Павел Васильевич (рожд. 1879 г.) и староста церкви Кукушкин Александр Иванович (рожд. 1867 г.) воспрепятствовали выносу из церкви икон и книг, были арестованы в 1937 году и расстреляны в Левашовской пустоши. Да будет светлой память о них!

В 1949 году совхозу «Политотделец» на строительство свинарников понадобился кирпич, и храм «Бориса и Глеба» был взорван вместе с

колокольней. Раствор, скрепляющий кирпичи стен церкви, оказался крепким, как и на всех старинных кладках, и взорванная церковь разлетелась не по кирпичу, а большими и малыми обломками.

Пришлось довольствоваться малечкинским свиноматкам деревянными свинарниками, а кроваво-красного кирпича святой обители хватило лишь на углы строений. На месте этой церкви остались живописные руины и куча битого кирпича. Зимняя же церковь Покрова Пресвятой Богородицы в молчаливом запустении стоит и по сей день посреди большого кладбища и остатков комаровской рожи. Стоит, продолжая разрушаться, но всё ещё удивляя людей крепостью и какой-то сияющей белизной своих стен.

Как хорошо написал на эту тему наш земляк поэт Николай Рубцов:

*Не жаль мне, не жаль мне
Растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне
Разрушенных белых церквей!*

А недавно, летом в дементьевской церкви Покрова Пресвятой Богородицы произошло чудо: внутри храма на уцелевшей местами белой штукатурке проступили церковные фрески. Явственно проявились очертания фигур и ликов святых. Наверно, церковь уже сама просится на восстановление, но нет, видимо, теперь таких спонсоров-меценатов, какими были «прежние бары».

Разрушение коснулось не только храмов, стало не узнать теперь и местную природу. Ровное поле на месте Малечкинских гор, а ведь на них когда-то наши предки дозором стояли. На тех же горах они и захоронены. Вековой еловый лес вырубил частью помещики, а частью

Разрушенная церковь благоверных князей Бориса и Глеба. (с.Дементьево)

Церковь Покрова Пр.Богородицы на Дементьевском кладбище

Два года назад в церкви Покрова Пр.Богородицы произошло чудо. На её полуразрушенных стенах явственно проявились фигуры и лики святых

крестьяне. В наше же время росли на них черника, земляника, ландыши, собиралась на гуляние молодёжь из окрестных деревень, и особенно любили праздник «Духов день». А в весёлые шестидесятые годы проводились на горах мотогонки. Урчали «Ижи» и «Ковровцы», и все склоны гор были усеяны зрителями. Свезли песок с гор на строительство ленинградской дороги, закатали асфальтом, а вместе с ним и прах наших предков с древнего кладбища. И от Малечкинского сада осталось одно название, да крики грачей на чёрных тополях, а когда-то и там проводились народные гуляния. Почти исчезли Комаровская роща и пруд, не ищите и Куриловские Нивы. Места детских игр остались только в воспоминаниях. Обмелели речки Аньгоба и Асбуй, пересохли ручьи. На Асбуге когда-то были три купальни: калинская, альмашиховская и войновская, стояли две плотины, и у одной из них находилась водяная мукомольная мельница, а у другой – кожевенно-овчинный завод с мельницей-толчейей для толчения коры и овса на выделку кож и овчин. А сколько рыбы в Асбуге было! Кто же теперь поверит в это, увидев пересохшую канавку у тоншаловских дач? Как повернуть время вспять? Наводнить малые речки и ручьи, затопить наше маленькое Яргомжское болото, неизвестно зачем осушённое. Старожилы называли его Тюньгою, видимо, рядом была сожжённая панамы деревня Тюньга, а теперь каждое лето горит и болото. Разрушен и Парфёновский женский монастырь «Неопалимая Купина», который называли ещё Богородицыным. О причине его возникновения бытует в народе интересное сказание:

Однажды помещицу Поливанову-Силантьеву (в возрасте 73-х лет) на прогулке у реки Ягорбы застала гроза. Загремел гром, раздался сильный треск, молния ударила вблизи прогуливающейся по берегу помещицы. Упала она без чувств, а когда очнулась и поняла, что чудом осталась жива, дала обет себе и Богу, что поставит на этом месте храм и женский монастырь. Свой обет помещица сдержала, и в 1895 году на берегу реки Ягорбы, вблизи её поместья Парфёново, заложили женский монастырь под названием «Неопалимая Купина». Своё поместье Парфёново Поливанова передала со всеми земельными угодьями, надворными постройками и скотом в дар монастырю. В 1910 году было начато, а в 1914-м закончено строительство двухэтажного кирпичного дома для жилья монахинь и кирпичного же собора с колокольней. В мае 1915 г. состоялась первая служба. Тогда в монастыре насчитывалось уже 300 монахинь. Но, как го-

Парфёновский собор монастыря
«Неопалимая Купина»

ворится, недолго музыка играла, а здесь – недолго пел церковный хор. После революции, в начале 20-х годов на базе монастыря основали совхоз «Парфёновский». Все монашки стали числиться рабочими совхоза, а игуменья монастыря Рафаила Рогозина была утверждена на должность управляющей совхозом. Страшная история произошла на территории монастыря в 1931 году. Приехавшая из Череповецкого райисполкома следственная комиссия вскрыла склеп с телами трёх монастырских благодетельниц: Поливановой, Судаковой и Кукушкиной. Из цинкового запаянного ящика вынули гроб с забальзамированным телом Кукушкиной Веры Александровны, засохшую мумию разрубил на части и закопали в землю за монастырём. Монастырский собор долго стоял ещё, увенчанный пятью главами куполов и обнесённый красной кирпичной стеной, включающий в себя двухэтажный дом с монашескими кельями. Таким и изобразил его на своей картине парфёновский мальчишка – художник Колька Волков, с которым мы учились вместе в школе. Затерялся сейчас след этой картины и безвременно почил художник, выросший у стен монастыря. Кирпичный монашеский дом местные «доброхоты» без всяких взрывов разобрали и поштучно продали кирпич дачникам. Но далеко видно красно-кирпичный остов полуразрушенного монастырского собора. И светлой лунной ночью прислушайся, как оттуда, чу!.. плывёт по-над Ягорбой еле слышный звон не существующего уже церковного колокола. Но не спрашивай, дорогой читатель, по ком он звонит...

Газета «Голос Череповца, 5 и 19 сентября 2003 г.

ПО СЛЕДАМ ШЕСТИ БОГАТЫРЕЙ

«Умершие были похоронены головой на запад, ногами на восток. Сами крестьяне первый раз их и откопали. Вот и дату я тогда записал – 4 мая 1924 года. А было мне в ту пору 18 лет...» - так начал рассказ о древних захоронениях, найденных на Малечкинских горах, мой отец Федотов Павел Дмитриевич.

«Как сейчас помню, сижу я как-то с удочкой на Асбуге, рыбу ловлю. Прямо у нашего хутора речка эта текла. Щучку и налима я уже вытащил, и вдруг наши калинские ребята бегут, товарищи мои. Кричат, руками машут – Павлушка! Павлушка! Скелет нашли! – Кого? Где? – В Малечкино на горах! Бросай уду, бросай всё! Бежим смотреть!

Прибежали, а там, на Шилиевском холме, на восточном склоне его, видим пять могил каких-то разрыто. Кости вокруг разбросаны. Рядом люди стоят, рассказывают, что кладбище нашли, древнее, видимо.

Четверо из захороненных на спине лежали, головой на запад, ногами

на восток – так, как и сейчас у нас хоронят. Но гробов не было никаких. Пеленами покойные были спелёнуты. Это древний славянский обычай такой. Могилки те около одного метра глубиной всего. Пятый же в могиле сидя-сидел, по-магометански похоронен, видно, басурманин какой-то был. Посмотрели мы. Нехорошо как-то на душе стало. Потревожили люди чей-то вечный покой.

Но крестьяне народ любопытный, ещё несколько могил раскопали. Ничего не нашли, так – кто череп, кто кость какую домой взял. Так сказать, «на сувениры».

А кладбище это древнее на 400-500 квадратных сажен раскинулось. Всё лещиной и боярышником заросло. Холмиков могильных «на глаз» - около ста виднелось. Высотой они сантиметров сорок всего. Интересно как: прямоугольные холмики по периметру камнями обнесены, круглой формы – по кругу камнями обложены. На некоторых по одному, два камня сверху лежали. Другие совсем без камней, так на тех куст какой-либо рос, лещина или боярышник.

И, странное дело, среди холмиков углубления встречались кое-где, заросшие уже. Видимо, в древности копатели водились, «археологи» или кладоискатели, уж не знаю кто. В северо-западной же части Шиляевской горы видим над могилами более высокие холмы круглой формы, наподобие курганов из земли и камней.

Приехал через несколько дней директор педучилища Виноградов. Председателем историко-этнографической секции в то время он был. Осмотрел, обследовал всё. В Ленинград описание послал – в Российскую академию наук. Вскоре оттуда ответили, что, судя по описанию, - это типичный Новгородский «жальник» позднего времени и служит доказательством новгородской колонизации местности. Запретил тогда Череповецкий райисполком раскапывать, под охрану могильник взяли. Но только это оказалось простой формальностью. Копали на горах разные копатели, в разные годы и по-разному.

Вот, например, Иван Андреевич Мошков рассказывал, что как-то ночью поросят сторожил в летнем лагере на той горе. Белая ночь была. Видно всё вокруг. Вдруг трое идут. В чёрном все. Стали рыть. Рядом копают, а Мошкова не видят, за могильным холмиком он лежал. Смотрит Мошков: горшочек нашли, потом ещё один, гребень и бусы женские, похоже на янтарь, плоские квадратные камушки, примерно два на два сантиметра. Взяли всё это, могилы зарыли и к Коште пошли на железнодорожный разъезд. На другую ночь опять эти «чёрные поисковики» пришли и опять две, женские, видимо, могилы разрыли. Два черепа достают. А на черепах тех волосы длинные в косы заплетены. Они черепа в рюкзак, и пошли по дороге, в этот раз на Череповец.

В 1933 году прибыла из Ленинграда на наши горы археологическая экспедиция. Сняли на вершине Шиляевского холма верхний слой земли, а там древний фундамент из плоских камней выложен. Вот где она, древняя церковь Бориса и Глеба была. Дали археологи

определение: захоронения на Шилиевском холме сделаны в разные времена, примерно с XI по XIV столетия нашей эры. Погребены, в основном, древнерусские люди, занимавшиеся охотой и земледелием. Могильники, в которых покойники были спелёнуты и около их найдены горшочки и бусы, наконечники стрел и т.д., – это более ранние захоронения XI-XII веков.

Могильники-жальники, обложенные по периметру камнями, – это первые христианские захоронения XII-XIV веков. Захоронены выходцы из ильменских славян – новгородцы.

Захоронения, сделанные по магометанскому обычаю в сидячем положении, – относятся к XIV-XV столетиям. В то время здесь жили татарские сборщики дани – баскаки.

Захоронения в деревянных срубах, наподобие колодца, либо в осиновых колодах, с найденными в них медными иконками и нательными крестиками – это уже христианские погребения XVI века.

Уехала экспедиция, а через два года, в 1935 году, послали рабочих на горы за песком. Вера Цыплёнова брала песок на восточном склоне Алексеевского холма, примыкающего к Шилиевскому, и на глубине одного метра наткнулась лопатой вдруг на что-то. Смотрит, кости лежат. Сняла она со всей поверхности песок, видит: скелет большой. Подошёл Мошков И.А. и из любопытства измерил скелет. Двухметровый человек тот был. При нём кожаный кiset с разными деньгами. Рядом ещё два скелета нашли, такие же богатыри при жизни были. Положили кiset с деньгами обратно и закопали всё. Сотченко – директор совхоза после этого случая песок брать там запретил. Но вот в 1954 году недалеко от того места снова стали песок брать. И, как рассказывали рабочие совхоза братья Солнцева, Александр и Геннадий, – ещё три богатырских захоронения нашли. При захороненных богатырях острокопечный шлем, кольчуга и по короткому и длинному мечу рядом лежало. Шлем и мечи в кузницу отнесли. Кузнец переплавил и перековал их на другие полезные в то время вещи. А о металле отозвался, что плавится хорошо и даже коррозии не подвержен. Кольчугу же успел тогда – говорит отец – взял и в Дементьевскую школу отнёс, где учителем в то время работал. Судя по костям и найденным вещам при них, захоронение это ещё древнее ранее обнаруженных. Вот они шесть русских богатырей из легенды – Нилко, Кошт, Малечко, Парфенко, Турко и Ярогомж!

И вывод из всего этого такой – были богатыри, и пришли они в наш край и поселились на горах не позднее XI-XII столетий н.э. Об этом свидетельствуют фундамент древней церкви, два древних кладбища и обнаруженные на них находки», - так закончил свой рассказ папа.

Газета «Голос Череповца», 26 сентября 2003 г.

ДВОРЯНСКИЕ ГНЁЗДА

В те далёкие времена, когда уникальная природа нашего края не была ещё совсем испорчена нынешним прогрессом, со всех сторон окружали провинциальный Череповец богатые помещицы усадьбы. В этих красивых и девственных местах русское дворянство вило для себя уютные гнёзда. С северной стороны нашего города находилось несколько таких «дворянских гнёзд», теперь, к сожалению, уже разорённых.

Тёплым летним вечером, в окружении старых лип, елей и лиственниц на открытой летней танцплощадке танцевала молодёжь. Слышалась громкая музыка: «Катарина, как ты идёшь? Ты вот-вот, вот упадёшь!», или «Тереза, Тереза...»

Звуки этих песен, в сумерки разносившихся по всему посёлку Малечкино, приводили нас в весёлое неистовство. С наступлением холодов танцы устраивались уже в клубе – стоящем рядом большим одноэтажным зданием. Надрывалась радиола, и ходуном ходили половицы старого дома под ногами танцующих. И никто из нас тогда, опьянённых молодым восторгом своим, не подозревал, да, честно говоря, никогда даже и не задавался вопросом: «А что было в этом доме до нас?» Знали, что совсем недавно здесь была контора совхоза

«Политотделец», и уже много позже узнали, что до революции дом этот принадлежал помещикам Гальским. Как и тот, двухэтажный дом в Матурино, мимо которого в своё время прошёл «туда и обратно» чуть не весь наш город, участвуя в уборке картофеля и капусты. После установления Советской власти, в матуриновском доме Гальских так же находилось правление – сначала военсовхоза, потом совхоза «Красная Горка».

А теперь небольшой исторический экскурс. Гальские были выходцами

из Галиции, приехавшими в первой половине XVII столетия в Московию и принятыми на службу к царю Алексею Михайловичу. Своё первое поместье Надеево Гальские получили в Пошехонской волости Ярославского уезда. Сельцо же Алексеево (в наше время Малечкино), возникшее в 1678 году, и усадьба сначала принадлежали помещику Поливанову Семёну и его жене. Гальской же Семён Степанович, тогда пошехонский помещик, женился на дочери Поливановых – Матрёне Семёновне в 1730 году, как следует это из Белозерских грамот.

Бывшая усадьба
«Горка» Гальских,
в 1931 г. «Красная Горка»
(левый берег Шексны)

В приданое за своей женой и в наследное себе владение взял Семён Гальской стоящее в 11 верстах к северу от Череповецкой слободки поместье Алексеево «с деревнями Алексеево и Курилово и еще полдеревни Большие Сельца с пахотными, сенокосными и лесными угодьями».

В сельце Алексеево, на усадьбе господ Гальских, стоял большой деревянный одноэтажный барский дом, с пристроенной к нему с одной стороны кухней, а с другой стороны застеклённой верандой, выходившей в господский парк, раскинувшийся возле дома. Шумели в парке сибирские кедры и лиственницы, саянские голубые ели и пихты, липы, клёны и берёзы. Благоухали весной жасмины и розы, сирень и спирея, а акации сохрани-

Сентябрь 2003 г. п. Малечкино.
Жилой дом на месте дома помещиков Гальских.

лись и до наших дней. У самой веранды в парке был разбит большой красивый цветник из однолетних цветов, и по всему парку росли ромашки, гвоздики и прочие многолетние цветы.

Как хорош был яблоневый сад во время цветения! А между яблонями – кусты красной и чёрной смородины, крыжовник. На окраине сада – малина и земляника. Посередине двора стоял перед барским домом высоченный вековой дуб, около дуба – стол и скамейки, служившие для чаепитий и отдыха. Служебно-хозяйственные и людские постройки располагались вокруг усадьбы в форме квадрата: конюшни, скотные дворы, овины, гуменники, амбары и ледники, складские помещения и сыроварня. Избы для дворовых людей – простые и добротные, построили из векового елового леса. Кроме того, выкопали крестьяне в усадьбе три пруда: один пруд возле овинов, на окраине карстового провала (да и сам провал многие годы оставался хорошим и глубоким водоёмом), второй пруд вырыли в поле, около пастбища, а третий у северного подножия гор – около Шилиевского ключа. Во всех прудах разводили карасей и карпов. Сыры, вырабатываемые на сыроварне, до 1908 года возили на продажу в Петербург, потом уже перешли на выработку сливочного масла. На барщину к Гальским крестьяне ходили по три дня в неделю. Усадьба содержалась в полном порядке.

В 1759 году умер Семён Гальской, и поместье Алексеево перешло во владение двум его сыновьям – мичманам флота Владимиру и Василию Гальским. Во время русско-турецкой войны (1768-1775 гг.) Владимир погибает, и владельцем поместья становится один Василий. Василий, прожив свою жизнь, умирает в 1823 году, и поместье Алексеево переходит его сыну – Николаю Васильевичу Гальскому, капитан-лейтенанту флота, который в 1791 году, судя по метрическим записям,

женится на дочери череповецкого помещика Василия Верещагина и получает в приданое за женой поместно-вотчинное верещагинское село Михайловское и деревни: Пертовку, Шелуху, Казарино. От брака Н.В.Гальского и А.В.Верещагиной родился сын Лев Гальской и дочери: Варвара, Елизавета, Екатерина и Ирина.

В 1834 году после смерти Н.В.Гальского между его детьми произошёл раздел владений. Дочерям достались село Михайловское, деревни Пертовка, Шелуха, Казарино и родовое поместье Надеево в Пошехонском уезде.

Туда и переехали девицы на жительство. Льву Гальскому по духовному завещанию отца отошло сельцо Алексеево. О Льве Гальском старожительница из деревни Курилово Володина-Громцева Л.Н. рассказывала следующее:

«Помещик наш имел большое пристрастие к охоте на зайцев и лис с борзыми и гончими собаками. Примерно в 1845 году приехал к Гальскому пошехонский помещик и привёз на показ гончую. Привезённая собака понравилась Гальскому, а гостью приглянулась дворовая девушка Гальского – восемнадцатилетняя Дуняша Павлинова из Курилово. Ударили помещики, так сказать, по рукам, заключив сделку и поменяв девушку на собаку. Провожать Дуняшу вышли все окрестные жители. Горько плакали, расставаясь с дочерью, родители Дуняши – Павлин и Елизавета Володины. Сама же Дуняша билась, кричала и, сопротивляясь, лишилась чувств. Так, бесчувственную, завернули её в армяк, положили в возок и, привязав, чтоб не убежала, повезли на чужбину. А в деревне остался любимый парень Дуняши – кучер Гаврила Фёдоров. Сговорились Гаврила со своим братом Еремеем и порешили они «усудобить» барина-разлучника. Только не удалось выполнить братьям свой план – кто-то подслушал их разговор и передал его барину. Приказал Гальской высечь братьев розгами, а потом отдал обоих в солдаты на 25 лет. Гаврила погиб на турецкой войне, а Еремей вернулся с царской службы домой в 48 лет седым стариком, женился и вместе с женой-старушкой жил в маленькой избушке, стоявшей на задах деревни Курилово. До самой смерти пас Еремей скотину и, видимо, знал «заветное слово» - коровы беспрекословно пастуха слушались, а в случае болезни умел Еремей их и вылечить».

Надо сказать, что помещики Гальские в 19 веке в Череповецком уезде пользовались популярностью в своих кругах. Лев Гальской в своё время был активным земским деятелем. В течение 10 лет в чине надворного советника занимал должность предводителя уездного дворянства. В 1849 году в 36-летнем возрасте Лев Гальской женился на 20-летней единственной дочери помещика Андрея Ивановича Кудрявого (тогдашнего предводителя Череповецкого дворянства). За своей женой Александрой Кудрявой получил Гальской в приданое на левом берегу Шексны сельцо Горку с усадьбой и деревнями: Малое Гритино, Полуево и село Борисово. В 1861 году на 32-м году жизни жена его скончалась,

оставив мужу дочь Марию и трёх сыновей: Иону, Николая и Алексея. Овдовев, Лев Гальской больше не женился, однако общественные дела налагали на него определённые обязательства, требующие затраты личного времени, и, для воспитания детей, в Алексеево переехала незамужняя сестра Льва – Варвара, которая после смерти своей бабушки владела сельцом Макарино и деревнями Семёново и Урывково. Поместьем Горка в то время управлял отошедший от общественных дел тесть Гальского – Андрей Иванович Кудрявый. Как рассказывала тоже старожилка Володина Л.Н., в Алексеево в услужение себе Лев Гальской брал молодых красивых девушек.

В прачечной у помещика работала очень красивая девушка из деревни Курилово – Катя Галактионова. Понравилась эта дворовая девушка барину, а она воли господина своего не посмела послушаться и вскоре родила от него девочку. Сестра помещика – Варвара возненавидела девушку и хотела наказать её розгами, однако Лев не позволил ей сделать этого, но между братом и сестрой на этой почве получился скандал. И тогда заставила Варвара Катю, сразу же после родов, стирать и крахмалить барское бельё. Завернула Катя новорождённую в свою юбку, положила в стоявшее рядом пустое корыто и занялась работой. Через несколько дней малышка заболела и умерла. Из презрения к красоте простой девушки, барыня, как могла, унижала её и иначе как «растрёпой» не называла. Однажды зимой, в пургу, послала Варвара Катю на пруд полоскать бельё, бедная девушка сделала прорубь, бросилась в неё и утопилась.

В 1875 году в возрасте 62 лет Лев Гальской умер, похоронили его на Дементьевском кладбище. Дочь его Мария Львовна была выдана замуж за генерал-майора Н.Н.Яниша – эстонца по национальности. Супруги Яниш жили в Алексеевской усадьбе и после кончины их погребли тоже на Дементьевском кладбище. Старший сын Льва – Иона закончил университет в Петербурге и там же работал и жил. После кончины супругов Яниш сельцо Алексеево перешло во владение Николаю Львовичу Гальскому, младший же сын Алексей получил в наследство сельцо Горка со всеми постройками и землёй. Эта усадьба Гальских располагалась напротив города Череповца за рекой Шексной, на высоком и обрывистом берегу, за что и получила своё название – Горка.

На угоре, фасадом на реку Шексну, стоял двухэтажный дом, обитый голубым тёсом, с белыми колоннами и балконом, построенный по проекту архитектора Кутепова в 1830 году. От поместья к реке шёл крутой обрыв, а от обрыва по берегу реки Шексны шла широкая пойма. По всей пойме, напротив усадьбы, росли кусты плакучих серебристых ив. Заливные луга у реки зарастали в летнее время высокими цветущими травами. Налетавший ветер играл разноцветьем трав, клонил серебристые ветви ив, и казалось, что это набегают и колышутся, гонимые ветром, речные волны. Со стороны Череповца усадьба имела очень красивый вид. Её окружал большой парк из

лиственных и хвойных пород деревьев. Параллельно берегу Шексны он тянулся не одну версту и спускался по обрыву до речной поймы. Парк пересекали дороги и дорожки, усыпанные песком и густо посаженные по краям цветущими сиренями и жасмином. Решётчатые беседки увивали плети цветущих роз.

Алексей Львович Гальской женился на дворянке – петербурженке Елене Мещёрской. Она была на 10 лет моложе мужа. Молодая жена любила выезжать и веселиться на вечерах и балах, Алексей же имел натуру домоседа. Детей у них не было, забот было мало, и вскоре завела Мещёрская любовника, с которым проводила все ночи напролёт, возвращаясь домой лишь с рассветом. Муж стал помехой для ветреной супруги и весьма кстати скончался. В народе ходили слухи, что уйти из жизни ему помогла жена, добавив в его бокал несколько капель сильнодействующего яду. В книге же метрических записей, хранившейся в Дементьевской церкви, было записано так: «В сельце Горках в 1896 года 14 октября на 37 году жизни скоропостижно скончался потомственный дворянин Алексей Львович Гальской».

После смерти Алексея, сельцо Горка перешло его брату Николаю, ему же перешло и имение Макарино после смерти тётушки Варвары. Так, Николай Львович Гальской, в то время предводитель уездного дворянства, стал обладателем трёх имений и из Алексеево переехал в усадьбу Горка. Поместье Алексеево сдал Николай Львович в аренду своему бывшему управляющему Гееру Фёдору Фёдоровичу, в 1889 году приехавшему из Швейцарии вместе с братом Адольфом по вызову самого Гальского. Братья Геер развивали в усадьбе Алексеево молочную промышленность. Под влиянием швейцарских традиций разводили швейцарскую породу коров, вырабатывали швейцарский сыр и сливочное масло. Сыры и масло вывозились на продажу не только в Петербург, но и в Москву, и на Нижегородскую ярмарку. За 20 лет аренды Гееры сколотили себе неплохое состояние и построили каждый по дому в Череповце. Дом Фёдора Геера уцелел до наших дней, он стоит по проспекту Луначарского под №1, когда-то там был аптекарский магазин, затем комитеты Компартии и «Солдатских матерей».

Братья Геер увлекались охотой и держали гончих собак ярославской породы. Эта порода сохранялась у местных охотников до 1940 года. По окончании контракта с Гальским, братья продали свои дома и уехали по новому контракту в Ковенскую губернию.

Николай Львович Гальской женился на дочери лесопромышленника Демидова – Марии Алексеевне. До замужества Мария жила в Петербурге, где и закончила «Смольный институт благородных девиц», знала английский и французский языки.

У Николая Львовича и Марии Алексеевны Гальских родились две дочери: Анастасия – в 1904 году и Мария – в 1909 году.

Шли годы, и вот в 1917 грянула Октябрьская революция. Все три имения Гальских конфисковали. Сам Николай Львович в политической

жизни участия не принимал, к революции остался лоялен и после конфискации поместий жил с семьёй в селе Рождество, на квартире у своего бывшего управляющего Останина. В 1920 году Гальской умер, похоронили его в склепе предков на Дементьевском кладбище. Вдова его, Мария Алексеевна, купила дом на углу Коммунистов и Луначарского и жила в нём с дочерьми и двумя служанками до 1926 года, сдавая внаём комнаты учащимся педтехникума. Однажды в доме Гальской устроили обыск и, якобы, нашли переписку её с агентами английской разведки. Обвинив в причастности к контрреволюционному заговору эсеровской организации под названием «Золотая пуговица», Гальскую арестовали, осудили и выслали на Крайний Север, где она и умерла. В 1929 году дочери её уехали в Ленинград к дяде Иону Львовичу. В 1954 году младшая дочь Мария приезжала в Череповец, заходила в краеведческий музей посмотреть на находившиеся в экспозиции и запасниках музея вещи из её родного дома.

Позже, уже в перестроечные времена приезжали другие потомки Гальских, приходили на Дементьевское кладбище поклониться праху своих предков, там покоящихся.

Газета «Октябрьский мост», 7 октября 2003 г.

БАРИН, УБИТЫЙ ПНЁМ

В 1613 году в наш край, по указу Московского правительства, стали прибывать государевы служилые люди и помещики. Это оказалось началом так называемого испомещения Руси.

В Малечкино первым помещиком был московский боярин Хотен Васильевич Худошин. Около 200 лет владела династия вотчинных помещиков Худошиных помещьем Малечкино. После польско-литовского нашествия и опустошительных эпидемий, многие деревни и сёла пустовали по 100-150 лет. В писцовой книге того времени записано следующее: *«Сельцо Коровинское Малечкинское тож, а в нем два двора помещикова, и живет в нем Хотен, а на другом дворе человек его задворный Левка Иванов, во дворе бобыль Ивашко Макунин з братом с Мишкою».*

Худошины, как и другие помещики, принялись усиленно заселять пустующие земли. Людей, купленных, или взятых в полон во время военных походов, в свою вотчину привозили они целыми семьями. От пленённых и поселённых тогда в нашей местности людей польской нации произошли такие фамилии как Поляковы – в Афонино и Кононово; Полянские, Нередичские и Левицкие – в деревне Большие Сельца. В Дементьево – Грушевские (теперь Грушичевы). В Большие Сельца также привезли семью казанских татар Алехановых, в деревню

Калинское – две семьи вепсов Масляковых из Кемь-озера. Судя по записям в Белозерских писцовых книгах, пустующие и заселяемые деревни сохранили свои прежние названия. Как сообщают «церковные росписи» дементьевской церкви, в 1801 году дочь помещицы Худошиной-Спасителевой Александра Ивановна вышла замуж за штабс-капитана Петра Петровича Голохвастова, ему и отошло во владение поместье Малечкино. При барине Голохвастове оно вышло в число самых крупных и богатых поместий нашего края. Род дворян Голохвастовых – один из знаменитых и многочисленных дворянских родов Российской империи. Предок Голохвастовых Семён выехал из Литвы в первой половине 14 века и впоследствии поступил на службу к Великому Московскому князю Дмитрию Ивановичу Донскому (1369 год). Кроме вотчинного поместья Малечкино, в первой четверти 19 века Петру Голохвастову принадлежали многие деревни и угодья в Дементьевской, Нелазской, Воронинской и Уломской волостях. В центральной усадьбе сельца Малечкино помещик Голохвастов произвёл полное переустройство всех своих жилых и хозяйственных надворных построек.

Построили новый полукаменный трёхэтажный господский двор-особняк, три каменных скотных двора, каменную конюшню, два каменных овина и крытый гуменник. Построили и пустили в ход одну из первых в наших краях молочную сыроварню, где делали чухонское масло и швейцарские сыры. Занимались этой работой крестьяне – мастера из Нелазской волости. Появилась и ткацкая мастерская со шляпным отделением, в котором из овечьей шерсти крепостные катали поярковые мужские шляпы. Шляпы, сукна, полотна вывозились на продажу в другие города и за границу – от чего помещик Голохвастов имел немалые доходы. Крепостные же его, крестьяне и крестьянки, бесплатно отработывали барщинную повинность и за малейшее неповиновение секлись розгами. Имелась у помещика и хлебная магазейна – склад для хранения продовольственного и семенного зерна. На речке Бильково, в одной версте от усадьбы Малечкино, стояли плотина и мукомольная мельница. Около мельницы, по руслу речки Бильково, насыпали круговую земляную дамбу, где образовалось небольшое, но довольно глубокое озерко. В нём развели карасей, а члены барской семьи и гости катались по озерку на лодках и купались. Обновлённое сельцо Малечкино, расположенное в 200 сажнях южнее Малечкинских гор, утопало в зелени деревьев и цветах декоративных кустарников. Трёхэтажный господский дом выходил своим фасадом на запад, туда, где раскинулся Малечкинский парк-сад, площадью в две десятины. В центре парка, в зимнем саду (большой остеклённой оранжерее) выращивались южные цитрусовые и другие фруктовые деревья. Главной же гордостью штабс-капитана Голохвастова являлась имеющаяся у него псарня на двести породистых собак. Как любитель и опытный заводчик-собаковод, на весь северо-западный край славился Голохвастов выведением борзых и гончих собак. И не

удивительно, ведь для упитанности и скорейшего роста щенков отправлял этот барин на псарню всех крепостных женщин, кормящих грудью своих детей, и заставлял их кормить своим молоком щенков. За каждой кормящей женщиной закрепляли по нескольку щенков и за малейшее неповиновение крепостную жестоко секли розгами и оставляли на псарне жить с собаками и щенками весь период кормления, поэтому ослушаться барина никто не решался.

Собаками и щенками Голохвастов вёл выгодную торговлю. Стоимость одной борзой в то время равнялась,

примерно, стоимости породистого коня. Старожилы рассказывали, как этот помещик выменивал на своих собак крепостных людей, целыми семьями привозя их к себе в поместье, и превращал в собственных холопов. У людей своего круга считался штабс-капитан гостеприимным хозяином. По его приглашению съезжались в усадьбу знатные гости из Петербурга, Москвы и всей Новгородской губернии. Устраивал барин для гостей пышные празднества и любил похвастать перед ними своей собачьей сворой. В такие дни устраивались в Малечкино знаменитые псовые охоты на зайцев, лис и волков. После удачной и азартной игры, вечерами гости пировали, вино лилось рекой, а в парке запускались фейерверки. С северной стороны барского дома находилась игровая площадка, на которой устраивал штабс-капитан в праздничные дни для себя и гостей развлечения и увеселительные игры с привлечением крепостных. Крестьяне, собравшие со всей вотчины, водили хороводы, пели русские народные песни и плясали. Здесь же происходили состязания по прыжкам в высоту и длину. Люди тянули канат, шли стенка на стенку, боролись друг с другом. Соревновались, кто поднимет более тяжёлый груз, либо дальше увезёт гружёную телегу. Обычно самую тяжёлую телегу дальше всех увозила крепостная женщина из деревни Калинское Маслякова Христина Андреевна – в девичестве Урванова. А в борьбе она побеждала всех мужчин. Захмелев, Голохвастов становился весьма щедрым. Лучшим исполнителям и победителям выдавал денежные премии по полтине серебром, женщинам раздавались пряники и баранки, а мужикам выносили по большой чарке водки. Сам же хозяин и гости пили дорогие заморские вина, играли в карты. Штабс-капитан слыл знаменитым картёжником по всей Новгородской губернии. На одном из таких праздников, как обозначено в грамотах того времени, – в 1810 году, удалой и удачливый штабс-капитан выиграл в карты у своего гостя, местного помещика

Малечкинский сад, а напротив него, через дорогу, место нахождения бывшей деревни Коровинское – Малечкинское тож, и помещичьей усадьбы рядом с садом

Лобанова-Ростовского его вотчинное село Дементьево, с деревнями Малое Дементьево и Солмановское. Солмановское переименовал Голохвастов в Горку, видимо, потому, что рядом стояла деревня Солманское. У помещика Поливанова Михаила он выиграл в карты деревню Старина. Деревня досталась Голохвастову со всеми земельными угодьями и крепостными крестьянами.

По части развлечений барин оказался большим выдумщиком, причудам его не было конца. В голохвастовском сельце Зацепкино Воронинской волости жили отставные николаевские солдаты, отслужившие на царской службе по 25 лет. Это сельцо превратил штабс-капитан как бы в военный гарнизон, а живущие в нём солдаты представляли собой «потешное войско». Старшим в зацепкинском гарнизоне был георгиевский кавалер Вавилов Сенька. Отставной унтер-офицер, за отличие и храбрость, проявленные в боях и военных походах, он имел награды: два Георгиевских креста и две медали. В сельце же Зацепкино вся жизнь у отставных николаевских солдат проходила строго по воинскому уставу того времени. По приезде самого штабс-капитана Голохвастова, солдаты потешного гарнизона выстраивались перед ним на специальном плацу «во фронт» и приветствовали «его благородие» по всем правилам военной службы. После приветствия командира и смотра, «войско» перестраивалось в походную колонну и с песнями маршировало строевым шагом по ближним деревням на обзор местных жителей.

Молодых крепостных парней к двадцати годам заставлял Голохвастов обязательно жениться, и если к указанному возрасту кто-либо из них жениться не желал, то должен был работать на барщине не три дня в неделю, как было положено, а целых шесть дней. Вообще, всех молодых парней и девушек помещик женил насильно и по своему собственному усмотрению. На то и существовала его господская воля. При женитьбе крепостных барин руководствовался таким методом отбора: красивых парней женил на некрасивых девушках, а красивых девушек выдавал замуж за некрасивых парней; высоких парней женил на малорослых девушках, а низких по росту парней женил на высоких девушках. «Дабы не измельчало крестьянство, и не выродились среди них красивые люди», - такими словами оправдывал свои действия этот «благодетель». Ослушавшихся же его молодых ребят наказывал розгами, либо отдавал в солдаты на 25 лет. А если девушка не хотела идти за назначенного барином жениха – такую невесту сажали в холодную тёмную комнату и припирали рогатиной к стене так, чтобы никак нельзя было ей лечь, а можно же только сидеть. И держали девушку в «холодной» с рогатиной на шее до тех пор, пока она не соглашалась выйти замуж за выбранного для неё парня. Девушке же готовой умереть, но не пойти за нелюбимого, такая возможность и представлялась «благожелательным» барином – сначала её морили в «холодной» голодом, потом до смерти забивали розгами.

Не гнушался штабс-капитан и пользоваться правом «первой брачной

ночи». Выходивших замуж крепостных девушек сначала приводили в его покои. Молодые же парни, запуганные и забытые Голохвастовым, десятками отдавались им в солдаты. Но вот на смену робкому и безропотному поколению людей выросло и пришло новое, более смелое и решительное. В ответ на истязания и издевательства принались они портить и жечь барское добро. В первую очередь сожгли крепостные ненавистную им голохвастовскую псарню со всей его собачьей сворой. А на овчарне, где стояло около 300 овец, разобрали срубы внутренних колодцев, в которые упало и погибло там более 100 голов. На лугах, в стогах и сеновалах жгли крестьяне барское сено, а в суслонах на полях состригали со снопов колоски с зерном и уносили к себе домой. По рассказам старожилов, зачинщиками этих акций возмездия являлись смелые молодые парни, сплочённые в хорошо организованную «кватугу». Предводителями были два двоюродных брата по прозвищам Соколёнок и Быстрёнок. Впоследствии, их потомки по фамилии Соколовы жили в деревне Афонино, а Быстрыны – в деревне Фёдорово. В одну из тёмных осенних ночей 1835 года барин Голохвастов возвращался из гостей от Алексеевского помещика Льва Гальского к себе домой. Народные мстители, давно ожидавшие случая покончить со своим мучителем, сидели в засаде и ждали его у лесной дороги на южной стороне Малечкинских гор. Эту дорогу они перегородили поперёк верёвкой, привязанной к двум деревьям. Конь Голохвастова споткнулся о верёвку и упал на колени, барин вылетел из седла, а крестьяне выскочили из леса и, выкорчеванным и заранее приготовленным ими пнём, ударили господина своего по голове и убили. Вот так бесславно закончилась жизнь braveго штабс-капитана, возмнившего себя вершителем человеческих судеб.

Многие русские помещики того времени, как Пётр Голохвастов и пушкинский Троекуров, жестоко и своенравно управляли крестьянами и дворней, но нынешние потомки их, часто даже ничего не знающие о своём происхождении, вполне достойные и уважаемые люди.

Газета «Октябрьский мост», 14 октября 2003 г.

БУРМИСТР, ОТПРАВЛЕННЫЙ В ПРЕИСПОДНЮЮ

В 1836 году поместье Малечкино перешло во владение штабс-ротмистру Попову Николаю Ивановичу, женившемуся на Александре – дочери убитого крестьянами помещика Петра Голохвастова. Штабс-ротмистр Попов Николай служил в гвардейском уланском полку, расквартированном в Петербурге, где он и проживал со своею семьёй. Поместьем, доставшимся Попову как приданое за женой, управлял бурмистр из местных обелённых грамотных крестьян – Самсон Иванович Иванов. Происхождение его шло от польских поселенцев деревни Большие Сельца. Этот управляющий, бывший по сути своей злым и жестоким человеком, за каждую малейшую провинность и даже оплошность нещадно наказывал крестьян. Бил людей палкой и сёк розгами. Его изуверских побоев не избежал ни один крестьянин, а некоторые из наказанных на всю жизнь остались калеками. Чтобы выслужиться перед хозяином, Самсон Иванович заставлял крестьян ходить на барщину не три дня в неделю, как положено, а четыре. Старики и старухи не могли работать в поле, и поэтому летом и осенью ходили в лес по грибы и ягоды, сушили эти дары природы и сдавали бурмистру. Зимой пряли лён и канатную пеньку, овечью шерсть. Ткали полотна из льна и конопля и грубые домашние сукна из овечьей шерсти. Всё это Самсон Иванович продавал, а деньги клал себе в кубышку. Крестьяне же тем временем нищали, болели и умирали от непосильных барщинных работ. Сравнивая свою нынешнюю жизнь с прошлой (при помещике Голохвастове), говорили, что попали они из огня да в полымя. Нового барина Попова знали крестьяне мало и, надеясь на его справедливость, послали в Петербург одного за другим двух ходочков. Оба ходочка пропали в дороге без вести и домой не вернулись. Третий ходок дошёл до Петербурга, разыскал штабс-ротмистра Попова и передал ему, написанное дьячком Дементьевской церкви, письмо с жалобой на бурмистра и просьбой приехать в поместье и разобраться в происходящем. Вернувшись в Малечкино, этот ходок рассказывал как «барин был зло руган и розгами весьма изрядно наказан» за то, что он «холоп посмел в Петербург придти и опозорить господина своего».

Осенью 1850 года Попов в Малечкино всё же приехал. Крестьяне молотили в то время хлеба в гуменнике и, как только увидели приехавшего барина, всей общиной предъявили ему протест против изувера-бурмистра. Привели в гуменник управляющего со связанными руками, положили его на скамью и привязали для порки. Экзекуцию над Самсоном Ивановичем поручили произвести молодому здоровенному мужику – крестьянину из деревни Фёдорово Акиму Быстрову, по прозвищу Левша. Стоял среди разъярённой толпы растерянный и испуганный барин, а Аким Левша так драл розгами бурмистра, что кровь брызгами летела по всему гуменнику, и тело его скоро превратилось в

красный кусок мяса. Напоследок, Аким облил Самсона солёной водой из ведра и отвязал от лавки.

Не скоро пришёл бурмистр в себя, а Левша поднял его и заставил бегать по гуменнику, сказав: «А теперь, гадюка, побегай-ка так, как нас ты гонял!» Бежать Самсон не мог, немного прополз и завыл, как попавший в капкан волк, потом взмолился жалобным голосом: «Виноват, простите, мужики!»

Недвижим, как околдованный, стоял во время экзекуции барин и с ужасом смотрел на происходящее. Пришлось ему отстранить от должности Самсона Ивановича и на смену ему назначить другого бурмистра, Карла Ивановича, из так называемых «немцев», как говорили в то время на Руси о всех иностранцах. Хозяйство при бывшем бурмистре совсем пришло в упадок, и Попов понял, что репрессивными методами от крестьян ничего не добьёшься и поэтому распорядился организовать всю работу по-другому. При Карле Ивановиче на барские работы крестьяне стали ходить три дня в неделю, как и положено то было по крепостному уставу, а мужиков и баб старше 60 лет ото всех видов барщинных работ освободили. Отменили и телесные наказания. После болезни Самсон Иванович всё же оправился, но дни его оказались уже сочтены – крестьяне и после наказания не простили злодея. Однажды, морозным зимним днём, мужики подстерегли его в городе, выкупали в проруби на реке Шексне и заморозили на снегу до смерти. Когда везли бурмистра хоронить на Дементьевское кладбище, проводить его в последний путь вышли все крепостные и принялись выкрикивать вслед покойнику: «Будь ты проклят, наш злодей и мучитель! Провалиться бы, изверг, тебе в тар-тара-ры». А николаевский солдат из Киселёва Тарас выкрикнул так: «Провалиться бы тебе, издевателю, в тар-тара-ры, тара-тара-тара-ры, тарарашечки-тары!» что, видимо, означало самое дно преисподней. И, что удивительно, могила Самсона Ивановича действительно провалилась, а на её месте образовалась глубокая яма, сохранившаяся до наших дней.

Провалившаяся и закиданная буреломом могила проклятого бурмистра Самсона Ивановича

Крестьянина-экзекутора Акима Левшу барин Попов отдал в солдаты и зачислил его на Черноморский флот матросом. Во время Крымской кампании, в 1853-56 годах, участвовал Аким в обороне Севастополя, вернулся домой героем и кавалером четырёх Георгиевских крестов. В 1861 году отменили длившееся 247 лет крепостное право, но народ быстро понял, что с обещанной свободой его опять обманули. В нашей местности начались волнения и крестьянские бунты. Восставшие

требовали отмены назначенных за землю выкупных платежей. Предводителем бунтовщиков Малечкинской вотчины стал пришедший с Турецкой войны Аким Левша. В каждой деревне были ещё и свои вожаки. В Войново – братья Емельяновы: Емельян и Клим, и женщина Анисья Дмитриева; в деревне Горка – братья-кузнецы Бухаловы: Галактион, Стефан и Василий; в Малых Сельцах – Максим и Иван Ропакоты. Бунт принял серьёзный оборот. Местные уездные власти справиться с бунтующими не смогли – вызвали на подмогу воинские части из других городов Новгородской губернии и разместили солдат в каждой деревне. И начались расправы над бунтовщиками. Схватили сначала всех вожаков и наказали розгами, а потом уже и всех остальных крестьян и крестьянок вотчины.

Акима Левшу после наказания заковали в цепи и пожизненно сослали в Сибирь, где и сложил свою буйную головушку этот георгиевский кавалер. Остальных вожаков заковали в колодки, на грудь повесили позорные доски с надписью «Я бунтовщик, разбойник и царский преступник», посадили на телеги с эшафотами и возили по деревням, заставляя выкрикивать написанные на досках слова. Потом увезли малечкинских повстанцев в Череповецкую тюрьму, откуда и сослали всех в Петропавловскую губернию Сибири. Так, при помощи солдатских штыков и плёток, устроили крестьянский бунт.

В 1865 году сыну умершего помещика Попова Николая Ивановича – Александру исполнилось 25 лет. В чине штабс-капитана он ушёл с военной службы в отставку, приехал из Петербурга в Малечкино и принял правление помещьем у своей тётки-опекунши Надежды Ивановны. При молодом помещике помещье Малечкино из запущенного хозяйства превратилось в образцовое, а Александр Попов приобрёл среди местных дворян большой авторитет. В течение 21 года занимал он должность предводителя череповецкого уездного дворянства. Выборы происходили каждые три года.

И вот, после двадцатилетнего руководства в городском дворянском клубе, в честь предводителя устроили торжество. На этом банкете и проиграл в карты Александр Николаевич Попов своё помещье Малечкино за 55 тысяч рублей. Сам же в 1886 году уехал после происшедшего на Украину в Каменец-Подольское имение своей матери. Вскоре проигранное Поповым помещье Малечкино выкупил некий «Почётный гражданин города Череповца», секретарь Земской управы Макаров Кузьма Фёдорович, работавший ранее в банке кассиром и дворянского звания не имевший. Около 1880 года этот банк сгорел со всеми находившимися в нём деньгами, а поговаривали, что поджог был умышленным, а деньгами, якобы, воспользовался кассир Макаров, но доказательств тогда так и не нашли. Новоявленный помещик принялся распродавать приобретённые угодья. За одно местечко Веретье с лесом, проданное в Торово лесопромышленнику Златковичу, выручил 55 тысяч рублей – столько, сколько заплатил за всё помещье

площадью 1379 десятин с постройками и скотом. Лес шёл на сруб, а землю после вырубki через банк продавал крестьянам по 50-60 рублей за десятину. В 1904-1905 годах продал Макаров на верфь судовладельцу Корзинкину и вековой лес, стоявший на принадлежащей ему части Малечкинских гор. Лес на горах валили наёмные крестьяне из окрестных деревень. Огромные ели, обхватом в три-четыре метра, обвязывали верёвками, долго раскачивали и, повалив на землю, обрубали все корни, кроме одного, самого большого, оставленного для перевозки. За этот корень цепляли ель к запряжённым цугом десяти лошадям, и те целый день волокли дерево до города. Другая же часть Малечкинских гор, с росшим на ней вековым лесом, принадлежала Алексеевскому помещику Николаю Львовичу Гальскому. Гальской берёг свой лес – не вырубал и не продавал его. В 1918 году лес Гальского вырубili крестьяне и использовали его на свои хозяйственные нужды. А Макаров, вырученные от продажи земли и леса деньги, около 150 тысяч рублей, отправляя золотом, поместил в Берлинский банк под 10% прибыли, вместо 2% российских. Но вот началась Империалистическая война, и деньги российских вкладчиков в Берлинском банке пропали. Макаров обанкротился. Но до своего банкротства этот помещик успел сделать доброе дело: стоящий в Малечкино помещичий трёхэтажный полукаменный дом с окружающими его хозяйственными постройками, 60 дойных коров, 20 рабочих лошадей и 300 десятин земли передал Череповецкому Земству с тем условием, чтоб в его усадьбе открыли для крестьянских детей две школы – начальную общеобразовательную и сельскохозяйственную. Дар Макарова Земство приняло, но открытию школ воспрепятствовал начальник Земства, живущий рядом Алексеевский помещик Н.Л.Гальской – консерватор по натуре. Через некоторое время Земство начало распродавать скот и для продажи сносить хозяйственные и служебные постройки. Сам Макаров после 1910 года уезжал на жительство в Петербург, потом снова вернулся в Череповец и до самой своей смерти в 1918 году проживал на Андреевской улице. Старший сын Макарова Пётр Кузьмич с женой-крестьянкой жил в выделенной ему отцом деревне Веретье и занимался сельским хозяйством. Умер он раньше отца – в 1910 году. Второй сын Макарова - Николай Кузьмич учился в Петрограде и стал естественноведческим научным сотрудником. В 1925 году он возвратился в Череповец и остался жить на родине. Сохранившийся после всех продаж барский полукаменный трёхэтажный особняк и каменную конюшню после революции райисполком продал нэпману-скупщику из деревни Киселёво Соколову Алексею, а тот уже по отдельности распродал крестьянам на слом деревянную и каменную часть дома и конюшню. Из брёвен барского особняка в деревне Большой Двор Стефановской кулиги были построены два добротных крестьянских дома. В то время (в 1925 году) уже существовал совхоз «Алексеево-Малечкино», в нём не хватало квартир для рабочих, а главное – отсутствовала в посёлке школа, но,

видимо, не суждено было этому барскому особняку открыть парадные двери и принять крестьянских детей в своих стенах.

Газета «Октябрьский мост», 21 октября 2003 г.

АДМИРАЛ И СЫН

Как известно из росписей Дементьевской и Преображенско-Турховской церквей и ревизских сказок по Череповецкой волости, помещики из династии дворян Комаровских, приехавших из Польши, впервые появились в наших местах в 1811 году.

Городской коллежский асессор Пётр Иванович Комаровский в то время в составе своего вотчинного поместья имел всего одну треть деревни Киселёво в Турховской кулиге. Женившись на дочери помещика Ивана Чёрного – Елизавете, получил за неё во владение сельцо Старина, всю деревню Киселёво и часть села Дементьево, назвав эту часть сельцом Большое Дементьево. (Ивану Чёрному эта часть Дементьева досталась за его женой Ефросиньей Бурковой около 1787 года, а Бурковы среди дементьевских помещиков числились первыми с начала испомещения нашего края в 1613 году.)

Коллежский асессор Пётр Иванович Комаровский в 1821 году получил звание надворного советника – равное чину подполковника. В росписях Дементьевской церкви за 1827 год он упоминается в разряде военных, получивших отставку: «Села Дементьева Надворный Советник Пётр Комаровский – 57 лет, его жена Елизавета – 40 лет. Дочери их: Анастасия – 12 лет, Елизавета – 11 лет, сыны их: Иван – 17 лет (учится в гимназии), Николай – 19 лет (учится в гимназии)».

В сельце Большое Дементьево выселись две каменные церкви – летняя Благоверных князей Бориса и Глеба с колокольней (построенная в 1814 году в честь победы над Наполеоном пришедшим с войны малечкинским помещиком Петром Голохвастовым) и зимняя церковь, поставленная общими стараниями всех местных помещиков в 1840 году. Невдалеке стояли пять домов церковнослужителей, четыре крестьянских двора, здание церковно-приходской школы, волостного Дементьевского правления и дома волостного старшины, писаря и участкового урядника. В центре сельца у старой просёлочной дороги, ведущей из Череповца в деревню Стояново древней Шухтовской волости на высоком каменном фундаменте возвышался двухэтажный барский дом с террасой, балконом и остеклённым коридором, ведущим в отдельно стоящую кухню. У входа по обеим сторонам цвела сирень и спирея, а с северной стороны дома шумела листвой небольшая роща-парк. Деревья, посаженные в два ряда круговой аллеей, замыкали внутреннее пространство и растущие в роще лиственницы, берёзы,

липы, беседку в зарослях сирени, кусты спиреи, жасмина, красных колючих роз и цветник. На окраине рощи блестело зеркало небольшого прудика с цветущей черёмухой на берегу.

С южной стороны дома, кроме цветущих кустарников и цветов, находился фруктовый сад. В нём росли яблони, вишни, малина и крыжовник. Красная и чёрная смородина выращивалась в виде штамбовых деревьев. (В настоящее время это красивейшее место поглотило Дементьевское кладбище.)

После 10-й ревизии 1858 года в ревизских сказках сообщалось, что все вотчинные владения Петра Комаровского были распределены между его сыновьями. Часть деревни Киселёво и сельцо Большое Дементьево отошли Ивану Петровичу Комаровскому (рожд. 1810 года) герою-орденоносцу и будущему адмиралу флота.

Послужной список Ивана Петровича Комаровского гласил:

1826 г., июня 27 – Произведён в гардемарины из кадет морского корпуса.

1829 г., марта 20 – Произведён в мичманы, с назначением в Черноморский флот.

1829 и 1830 гг. – На транспортах «Ингулец» и «Опыт» плавал у румелийских и абхазских берегов.

1831 и 1832 гг. – На люггере «Глубокий» плавал по черноморским портам.

1833 г. – На фрегате «Варна» перешёл из Севастополя на буюндерский рейд, а потом на люггере «Глубокий» возвратился в Севастополь. Получил турецкую золотую медаль.

1834 г., апрель 22 – Произведён в лейтенанты.

1834 и 1835 гг. – На корабле «Пантелеймон» крейсировал у восточного берега Чёрного моря.

1836 и 1841 гг. – Командуя тендером «Нырок», крейсировал у абхазских берегов.

1843 г., февраля 3 – Назначен смотрителем севастопольского госпиталя, с переименованием в капитаны по местовым экипажам.

1845 г., сентября 13 – Произведён в майоры.

1847 г., ноября 21 – Назначен состоять по адмиралтейству Черноморского флота.

1854 г. – За выслугу 25 лет офицером награждён орденом «Св.Георгия» 4 класса.

Иван Петрович
Комаровский

- 1855 г., февраля 9 – Произведён за отличие в подполковники. Награждён орденом «Св.Анны» 2 степени.
- 1855 г., ноября 16 – Произведён в полковники за отличие.
- 1856 г., марта 26 – Назначен смотрителем кронштадского морского госпиталя. Награждён орденом «Св.Анны» 2 степени с императорскою короною.
- 1860 г. – Награждён орденом «Св.Владимира» 4 степени.
- 1864 г. – Награждён орденом «Св.Владимира» 3 степени.
- 1866 г., марта 26 – Произведён в генерал-майоры, с назначением директором инвалидного Императора Павла I дома.
- 1869 г., января 1 – Назначен начальником комиссариатской части в Кронштадте.
- 1870 г., августа 22 – Награждён орденом «Св.Станислава» 1 степени.
- 1874 г., марта 31 – Награждён орденом «Св.Анны» 1 степени.
- 1877 г., марта 26 – Произведён в генерал-лейтенанты.
- 1883 г., мая 15 – Награждён орденом «Св.Владимира» 2 степени.
- 1885 г., мая 27 – Зачислен по флоту.
- 1886 г., июня 1 – Произведён в полные генералы и уволен со службы.

Ребёнком уехав из дома поступать в кадетский корпус, на родину вернулся Иван Петрович Комаровский стариком-адмиралом. Старожилы рассказывали как, будучи в отставке с 1886 года, он жил в сельце Большое Дементьево и ежедневно после завтрака выходил на прогулку, проверяя свои владения. У Ивана Петровича была раскладная трость-стул, уставая, он её раскладывал и садился отдыхать. Кто знает, что видел перед собою этот старый уже человек? Зелёные луга и поля, просторы и дали, открывающиеся с пологого дементьевского холма, или по-прежнему вставали перед его глазами бурные морские волны, слышались разрывы шрапнели, крики и стоны раненых? Пока адмирал отсутствовал – плывал по морям, воевал с турками, получал звания и награды, курировал госпиталю, - помещьем его управлял образованный и опытный в ведении сельского хозяйства специалист по фамилии Величко. На сыроварне (со специальными подвалами-ледниками для хранения продукции) вырабатывались голландские и швейцарские сыры, чухонское масло. Стояли в усадьбе две ветряные мельницы: шатровка на два жернова для размола зерна на муку и ветрянка-толчея для размельчения овса и ячменя. На юго-западной стороне усадьбы стояли добротные каменные скотные дворы и конюшня, за ними находился большой ключевой проточный пруд с плавающими в нём карасями, у пруда овин и гуменик. Для батраков были построены отдельные – мужские и женские «людские», баня с двумя отделениями и прачечной, кухня и столовая. Поместье ежегодно приносило хозяину немалые доходы. Однако, адмирал, не прожив дома и двух лет, зимой

1888 года умер. Гроб его положили в специальный цинковый ящик, запаяли и поставили в дубовый, ещё больший гроб с прикреплёнными на крышке кортиком и орденами. При опускании гроба в могилу, выложенную кирпичом, наподобие склепа, кортик и ордена с крышки гроба сняли. После смерти адмирала флота Ивана Петровича Комаровского в газете-журнале «Новое время» появился некролог следующего содержания:

«На днях в селе Дементьево происходило погребение одного из старейших членов нашей морской семьи, отставного полного генерала флота Ивана Петровича Комаровского, скончавшегося в г.Череповце в ночь с 10 на 11 февраля. Покойный Иван Петрович получил образование в морском кадетском корпусе и с 19 лет начал службу в офицерском чине в Черноморском флоте. В офицеры покойный был произведён в 1829 году. Во время Крымской кампании Иван Петрович был назначен на чрезвычайно трудный и ответственный пост начальника Севастопольского морского госпиталя и в этой должности оставался в течение всей осады Севастополя. По окончании войны Иван Петрович назначен начальником Кронштадтского морского госпиталя. В 1869 году покойный Иван Петрович в чине генерал-майора был назначен начальником комиссариатской части Балтийского флота и на этом посту оставался до выхода в отставку в 1886 году.

Чин генерал-лейтенанта покойный получил в 1877 году, а через два года праздновал пятидесятилетний юбилей служения в офицерских чинах. По случаю юбилея покойному всемилостивейше было пожаловано единовременно 4 тыс. рублей. В полные генералы покойный был произведён в 1886 году. Покойный Иван Петрович имел ордена «Св.Анны» 1 ст.; «Св.Станислава» 1 ст.; «Св.Георгия» 4 ст.; «Св.Владимира» 3 и 4 степеней».

Новое время, 1888 г., № 4300, с. 3 (столбец 3). (Некролог и послужной список присланы из музея «Героической обороны и освобождения Севастополя».)

Сын И.П.Комаровского – Михаил, которому досталось поместье, пошёл, видимо, не в отца. После похорон адмирала вышел новый хозяин на балкон своего дома и заявил собравшимся внизу крестьянам: «Царствие небесное моему отцу. Умер батюшка наш адмирал и оставил капиталу три горшка золота, что не прожить ни мне, ни детям за всю нашу жизнь».

Но, как позже показала жизнь, Михаил на этот счёт сильно ошибался. Жена Михаила Ивановича Комаровского – Екатерина Николаевна, урождённая дворянка Краковская, приходилась ему двоюродной сестрой и поэтому они жили невенчаны. Имели двоих детей: сына Николая и дочь Лидию. В конце-концов жена-кузина сбежала от мужа с его же кучером и оставила детей. Лидия сильно скучала по пропавшей матери, заболела чахоткой и в 1895 году умерла. После бегства первой

жены, Комаровский женился вновь на череповецкой мещанке Кадобновой Марии – очень красивой женщине. Михаил ревновал свою жену-красавицу и старался уберечь от чужих мужских взглядов. Зная это, дементьевские мужики нередко подшучивали над барином, попадались чете навстречу или запросто приходили в усадьбу и говорили: «Ну и красавица у тебя жена, Михаил Иванович». В таких случаях Комаровский бил озорника стеком или кулаком, а потом подавал 5 рублей и говорил: «На, болван, да больше не ходи ко мне, а то и не так изобью». Пять рублей в то время были большие деньги и ради них можно было перетерпеть побои.

Однажды ехал барин со своей Марией в карете, а дементьевский мужик Проня Прокопьев заглянул в карету и сказал: «Хороша же у тебя жена, Михаил Иванович, так бы такую и поцеловал».

-Так поцеловал бы, говоришь? – воскликнул барин и давай стегать Проню кнутом. Тот взмолился: «За что ты меня бьёшь? Я становому приставу пожалуюсь». Комаровский достал 25 рублей, подал Проне и сказал: «На, болван, да больше на дорогу не выходи, а то посажу в кутузку».

От второго брака у М.И.Комаровского появились двое детей, названные именами родителей – Михаил и Мария. Временами в усадьбу собирались гулять дементьевские мужики и бабы. Водили хороводы, плясали, пели русские народные песни. Мужиков барин угощал водкой, женщин конфетами и пряниками, а после гулянья выходил на балкон и высыпал в толпу кринку монет-серебрушек достоинством по 15-20 копеек. Заставлял мужиков собрать деньги и разделить между собой – каждому гуляющему доставалось около 50 копеек. Отцовский капитал в сумме 60 тысяч рублей положил Михаил Иванович под большие проценты в Германский банк и всё потерял во время Импералистической войны. В 1907 году в Череповецком дворянском клубе он проигрался в карты, и своё поместье Дементьево за 36 тысяч рублей заложил фирме «Нобель». Выкупил поместье бывший управляющий Комаровского – Величко и прислал для присмотра своего человека Мартына Яковлева. Сам

Лиственницы в роще
Комаровских. Январь 2004 г.

Сирень под лиственницами в
роще Комаровских. Июнь 2004 г.

Комаровский переехал в Череповец и жил в своём доме до 1917 года. А после революции, как рассказывали, бывший помещик ходил «по миру» по деревням. Умер в селе Романово, там его и похоронили. Его сын Николай был царским офицером в капитанском чине. Ходили слухи, что после революции он перешёл на сторону красных. Фамилия «Комаровский» встречалась в центральной прессе как фамилия красного командира.

Могила деда его – адмирала флота была вскрыта и разграблена, унесли адмиральский мундир и сапоги. У помещичьего дома Комаровских было несколько жизней. Сначала дом отдали сыну помещика Судакова из Ватагина – он воевал на стороне красных в гражданскую. Дом перевезли за Парфёново и поставили у леса при слиянии двух рек Ягорбы и Аньгобы. Владелец назвал это красивое место «Отрадное». Но вскоре, видимо, вовремя почувствовав ветер перемен, несущий волну репрессий, Судаков оставил «Отрадное» и дом и уехал. Дом перевезли в Малечкино и приспособили под квартиры-клетушки для рабочих. В 1969 году зимой он загорелся в первый раз, но был потушен, отремонтирован и снова заселён. Летом 1983 года, в праздник Св. Троицы, дом вспыхнул опять и на этот раз совсем.

С разрушением храмов, исчезновением прицерковных сёл, помещичьих усадеб и парков безвозвратно ушло от нас не только что-то щемяще хорошее, но таким образом произошла гибель старинной цивилизации. Да, гибель целой цивилизации, сравнимая по значимости своей разве что с гибелью Помпеи.

Газета «Октябрьский мост», 4 ноября 2003 г.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

В ясный солнечный день далеко виден Парфёновский монастырский собор, таинственно выступающий из тёмно-зелёной раковины лесов, как необычная жемчужина красного цвета...

История происхождения деревни Парфёново и находившегося в ней женского монастыря «Неопалимая Купина», в народе называемого Богородицким, такова.

В XV столетии в межгорье холмов, позже знакомых нам как Малечкинские, стояла деревенька под названием Парфеновы Горы. С 1613 года (испомещение Руси) она принадлежала двум помещикам Матвею Поливанову и Хотену Худошину. Внук турховского помещика Матвея Поливанова Борис свою часть деревни перевёз к себе в родовое поместье и, поставив её вблизи реки Ягорбы, назвал селцом Парфеново. В 1822 году родилась последняя помещица дворянского

рода Поливановых Авдотья Николаевна. Достигнув совершеннолетия, в 25 лет она становится полноправной владелицей поместья Парфеново и находящегося в Заягорбской кулиге небольшого поместья Пулово. По рассказам крестьян-старожилов, их помещица Поливанова, имея мужское телосложение, отличалась не только здоровой комплекцией, но и молодецкой выправкой. И, вдобавок, ещё над верхней губой её, как у заправского гусара, пушились усы. Конечно же, больше всего на свете любила Авдотья лошадей. Летом гарцевала она по полям на своём сером скауне Бароне, зимой каталась по заснеженной дороге на тройке вороных, запряжённых в сани. А годы шли, исполнилось барыне 47, но спутника жизни рядом с ней всё ещё не было, до сих пор ходила она в «старых девах». И вот однажды весной (в 1869 году), в село Парфёново пришёл молодой здоровый мужчина весьма привлекательной наружности. За собой он вёл большого бурого медведя, называя его Мишкой. Самого же «медвежьего вожака» звали Ипатом Никандровичем Силантьевым. Татарин по национальности, он был родом из Саратовской губернии, тридцати семи лет от роду и совершенно холостой. После представления, показанного перед собравшимися зрителями медведем, его «поводырь» так понравился барыне, что она обоих гастролёров – и медведя, и хозяина – оставила ночевать у себя в усадьбе. Проворочавшись ночь без сна на своей мягкой постели, наутро Авдотья Николаевна пригласила Ипата к себе в гостиную и принялась потчевать его, как самого дорогого гостя. Изрядно угостив этого красивого мужчину винцом, барыня без обиняков предложила ему... свою руку и сердце. Оторопел и растерялся Ипат: как же так? Ему, бродяге, и вдруг такое предложение! Но Поливанова и не думала шутить, а в своих намерениях осталась непреклонна и в доказательство их серьёзности взяла и заперла двери гостиной на ключ, не выпустив оттуда «медвежьего поводыря», пока не получила его согласия на брак. А чтобы не уронить своей дворянской и девичьей чести, сначала произвела она Ипата своим личным приказом в управляющие поместьем, фиктивно продала ему имение Пулово и оформила всё это в нотариальной конторе. И враз стал «медвежий поводырь» не только учёным управляющим, но и помещиком-землевладельцем. В метрической книге Турховской Преображенской церкви в связи с их бракосочетанием была произведена следующая запись: *«1869 года 30 апреля бракосочетались: Жених – Череповецкий землевладелец, учёный управительский помощник Ипат Никандрович Силантьев, православного вероисповедания, первым браком, 37 лет. Невеста – Череповецкая землевладелица из дворян, девица Авдотья Николаевна Поливанова, православного вероисповедания, первым браком, 47 лет».*

Итак, мужик Ипат и барыня Авдотья стали мужем и женой под общей фамилией Силантьевы. Но недолго длилось и так запоздавшее супружеское счастье Поливановой-Силантьевой. Надоела вскоре мужу его стареющая «госпожа жена». Была у Поливановой в услужении

молодая красивая девушка из деревни Леонтьево Канышева Лиза. С ней-то и слюбился Ипат. В тайне от хозяйки жили они, как муж и жена. Лиза вскоре забеременела, и все их отношения вышли наружу – тайное стало явным. Не могла стерпеть нанесённой ей обиды гордая дворянка и указала на дверь не только служанке, но и мужу, лишив его за супружескую неверность всех прав и состояния. Пришлось «учёному управительскому помощнику» идти в Гритино и наниматься в батраки к помещице Кудрявой Александре Яковлевне. Там, в Гритино, и прожил Ипат с Лизой и семьёй всю свою жизнь. Поливанова же снова осталась одна и постепенно старилась в своей усадьбе. Шёл Авдотье Николаевне уже 73-й год, когда застала её сильная гроза во время прогулки у реки Ягорбы. Загремел гром, раздался сильный треск, и молния вдруг ударила настолько близко от прогуливавшейся барыни, что та, где стояла, там и упала без чувств. Когда же она очнулась и поняла, что чудом осталась жива после такого грозного явления, возблагодарив Бога, дала она ему и себе обет поставить на этом месте женский монастырь. Обещание своё Поливанова выполнила. В 1895 году на берегу реки Ягорбы, у лесного массива Лунино, вблизи её усадьбы, был заложен женский монастырь «Неопалимая Купина». Строительство начали в 1910 году при содействии пришедших в монастырь «на покой» двух богатых вдов – петербургской фабрикантки Кукушкиной Веры Александровны и Судаковой Гликерии Кирилловны из села Шухободь. Женщин называли «благодетельницами» за то, что на постройку монастыря они дали крупные суммы денег. Сама помещица Поливанова передала в дар монастырю 438 десятин удобной земли, из них 62 десятины пахотной, 88 десятин сенокосной и 288 десятин строевого леса.

Парфёновский монастырский собор «Нечаянная Радость»

Кроме того, 72 головы крупного рогатого скота, 9 рабочих лошадей, 3 выездных коня и денежные сбережения, оставшиеся от затраченных на постройку сумм. Строительство собора из красного кирпича и двухэтажного дома с кельями для проживания монашек производилось каменных дел мастерами из деревни Киселёво и было закончено в ноябре 1914 года. А в мае 1915 года в монастырском соборе состоялась первая служба. В то время при монастыре насчитывалось уже около 300 монахинь-черниц. Кроме красного кирпичного собора и двухэтажного дома с кельями, внутри монастырской усадьбы стояли, обнесённые высоким забором: деревянная церковь, дома для жилья и служебные постройки. Скотные дворы, амбары, овины находились вне усадьбы – на опушке лесного массива Лунино. Посреди монастырского двора росла берёзовая роща с посадкой молодых елей, деревья

окружали и монастырские здания, между которыми были проложены деревянные тротуары. Повсюду царили чистота и порядок. В ухоженных полях сорняки полностью отсутствовали. Заведённый семипольный севооборот (с посевом клевера) давал высокие урожаи монастырских хлебов, превышающие крестьянские. Монашки сами сенокосили, пахали поля, молотили, убирали хлеба и ухаживали за скотом. Зимой заготавливали дрова и лес на постройку и ремонт зданий, сами их ремонтировали и даже занимались кузнечным ремеслом. Работа в монастыре была налажена, как в хорошей сельхозкоммуне. Хлеб и другие продукты сдавались государству. После революции на базе монастыря основали совхоз под названием «Парфёновский». Какое-то время монашки числились рабочими совхоза, а игуменья Рафаила Рогозина - управляющей.

В 1923 году на территории монастыря открыли семилетнюю сельскохозяйственную школу рабочей молодёжи – сокращённо ШКМ, существовавшую до 1933 года. Все три монастырские благодетельницы умерли до революции и были погребены в склепе на монастырском кладбище. По рассказу бывшей послушницы Большаковой Марии, в 1931 году, приехавшей из Череповца следственной комиссией склеп с усопшими благодетельницами был вскрыт, тела изъяты и перезахоронены, а тело Кукушкиной В.А., превратившееся в засохшую мумию, предварительно ещё и порублено на части. Монашки после этого разбрелись и разъехались кто куда. Изо всех монастырских построек дожил до наших дней почти неразрушенный и крепкий на вид собор «Нечаянная Радость Пр. Богородицы».

Всего в каких-то 15 километрах от Череповца, в безмолвии лесов стоит красавец собор. Настежь распахнуты створки тяжёлых деревянных ворот, как бы в приглашении войти под церковные своды. А может быть, в ожидании каких-то близких уже перемен и лучших времён для этого прекрасного строения? Не зря же нашу эпоху всё чаще стали называть эпохой Российского Возрождения.

Газета «Октябрьский мост», 11 ноября 2003 г.

СЕРЕБРО СТАРОГО ВОРОНА

(По рассказам Дмитрия Федотова (рожд. 1860 г.),
крестьянина из деревни Калининское)

После отмены крепостного права минуло уже более пяти лет, но большинство крестьянских семей нашей местности по-прежнему жили в бедноте и скудости. У нас, детей, кроме рубашек и штанов, пошитых из домотканого полотна, окрашенного ольховой корой, другой одежды, можно сказать, и не было. Обuvi мы тоже никакой не носили, по причине её отсутствия. С весны и до самых заморозков носились по улице босиком, а всю долгую зиму приходилось сидеть дома, лишь изредка выскакивая на улицу в полушубке и валенках матери, что для нас и считалось радостью.

В детстве я дружил со своим тёзкой и сверстником Митюшей Герасимовым. Зимой мы с ним, босые и в одних рубашках, перебежали по снегу домой друг к другу. Зуб на зуб не попадал, когда мы заскакивали в избу и скорее забирались на печь, а отогрившись, начинали играть и разговаривать. Как-то, сидя на печи, услышали мы разговор взрослых, что ворон, де, гнезда без серебра не вьёт – обязательно завивает в дно гнезда серебро, а живут они по триста и более лет. После этого у нас с Митюшей только и было в ту зиму мечтаний: скорей бы растаял снег, тогда мы пойдём в барский лес, найдём там гнездо старого ворона, залезем на ель и заберём серебро из гнезда, а потом купим себе хорошую и тёплую одежду и по цветастому полушалку его и моей матери. Наконец, пришла долгожданная весна, сошёл с полей последний снег и отогрелась земля. В один из таких погожих майских дней собрались мы с Митюшей и пошли в барский лес искать гнездо старого ворона. Долго ходили по лесу, стучали по деревьям, кричали, глядя наверх, ждали: откуда вылетит вспугнутый нами ворон? Так дошли мы до Жарков, ёлки там росли толстенные и высоченные, закричали мы и вдруг видим, как с верхушки одной из елей взлетели две большие чёрные птицы. Первым на ель полез Митюша, забрался до середины, испугался и кое-как спустился на землю. После него полез за серебром я. Поднялся высоко, посмотрел вниз, и Митюша показался мне таким смешным – голова и плечи, а туловища и ног почему-то не видно. Над моей головой описывали круги ворон с воронихой, хорошо ещё глаза мне тогда они не выклевали. Всё же добрался я до самого гнезда, заглянул внутрь, а там, разевая клюв, сидел один всего птенец. Я схватил его за крыло и выкинул. Птенец повалился вниз, цепляясь и стучаясь о ветки. Ещё до того, как он ударился о землю, каким-то образом оторвалась и отлетела у него голова. Вслед за птенцом я сбросил с ели гнездо и спустился на землю сам. Нашли мы с Митюшей острый пень, расколотили о него гнездо, но серебра оттуда не выпало. Разочарованные и понурые, поплелись мы обратно домой, по пути рассуждая, куда же могло деться

серебро из гнезда? Может быть, ворон успел его выхватить, или неправду говорили тогда взрослые? Да, зря мы того воронёнка загубили и разорили гнездо – глупые и жестокие дети своего времени.

Хороша, но, однако, непродолжительна радостная пора детства у крестьянских детей. То босой, то в обуви и одежде матери, отходил я кое-как ползими в церковно-приходскую школу, открытую в сторожке при Дементьевской церкви священником Никанором Захаровичем Воскресенским. Вторую половину зимы просидел дома, приглядывая за младшими сёстрами Наташкой и Таньшей, да братом Егоршей. Отец уехал в извоз, мать подрядилась работать к барину, и днём дома никого из взрослых не было. А весной отдали меня родители в пастушки к малечкинскому помещику Попову Александру Николаевичу, и по четыре лет пас я барских телят. И если кто-либо, встречая меня, спрашивал: «Мальчик, ты чей такой будешь?» Я, кнутовищем поправляя сползавший на глаза картуз, отвечал им с гордостью: «Я - Попов». За работу я получал от помещика по два рубля в месяц, правда, находился на готовом содержании. Кормили нас, против домашнего, сытно и хорошо, по три, а то и по четыре раза в день: завтра, обед, паузна и ужин. Жил тогда с нами в людской одинокий паломник, бывший дьяк Иван. Летами он работал в усадьбе садовником, а зимами топил теплицу и оранжерею. Будучи по-настоящему добрым человеком, дьяк искренне привязался ко мне, ребёнку, как к родному. Мы вместе ходили на кухню есть и спали в людской на одних полотах. Дьяк Иван, грамотный и начитанный по тому времени, узнав, что в школу я ходил всего ползими, взялся обучать меня грамоте, и вскоре я уже мог бегло читать и писать. Немало повидал этот паломник, к 50-ти годам исходивший всю матушку Россию. Побывал во всех монастырях, скитах и пустынях, но нигде, как говорил он, Христовой правды не нашёл, везде царили ложь, обман и всяческая суeta суeta. В долгие осенние и зимние вечера после ужина рассказывали батраки в людской о войнах: с турками в суворовские времена, с французами, и о Крымской кампании, также истории из жизни полководцев, солдат и разные бывальщины из своей недавней подневольной жизни. Потом начинали петь песни и под балалайку плясать вприсядку «Барыню» и «Камаринского». Не отставал от взрослых и я, а тон в таких вечерах задавал, конечно же, дьяк Иван. Перед сном рассказывали разные сказки, а в 10 часов вечера гасили свет, и в людской наступала полная тишина, не положено было после отбоя до утра никого тревожить. Летом же ложились спать только в полночь, а вставали в 5 утра и без завтрака уходили работать. Завтрак кухарки приносили в поле около 9 утра. На дальних пожнях там же в шалашах работали и жили, а еду готовили себе на кострах сами. Однажды, мой наставник дьяк Иван не поладил с управляющим усадьбы и надумал уйти, как говорил, «шататься по белу свету». Звал он и меня с собой, но неизвестность и бродячая жизнь меня пугали, да и без разрешения родителей в паломники я уйти не мог.

Медвежонок

После ухода дьяка Ивана из поместья Попова, ушёл оттуда и я и нанялся работником в Алексеево к помещику Гальскому. В то время мне часто приходилось ездить за Шексну в их второе имение Горку. И вот, как-то после облавной охоты на медведя, один лесник привёз в Горку маленького медвежонка. Когда медвежонку исполнилось немногим более полугода, решили перевезти его в Алексеево, что и поручили сделать мне и Алёше Кошкину. Для перевозки медвежонка дали нам большую бочку с просверлёнными по бокам отверстиями. Дело было в конце зимы, разбудили мы медвежонка, посадили его в бочку, закрыли крышкой и, накрепко привязав к дровням бочку, стоя устроились около неё поудобнее. Вожжи взял Алексей. Тронулись с места благополучно, но как только начали спускаться с берега к Шексне, нас потрянуло, медведь в бочке рывкнул, а лошадь вздрогнула и понесла. Нам же, молодым чудачкам, стало от этого вдруг весело и смешно. Разогнавшись на занесённой снегом реке, одним махом одолела лошадь Соборную Горку и стрелой вылетела на Воскресенский проспект. Алексей, стоя в дровнях с натянутыми в руках вожжами, кричал проходим: «Поберегись! Посторонись!» Мчимся мы так по Череповцу: Алексей кричит, медведь в бочке ревёт, а из домов начали выскакивать любопытные люди. Полицейские со свистками во ртах кинулись за нами вдогонку, но буланая нас не подвела. Казалось, мигом миновали мы Череповец и очутились в усадьбе Алексеево. Медведь, привезённый туда, ходил сначала на воле. Но однажды забрался он в пристройку, где на переводах хранились парниковые рамы: залез по лестнице наверх и лапой бьёт по стёклам и смотрит, и слушает, как они со звоном падают вниз. Выбил все стёкла и начал сбрасывать рамы, так разошёлся, что всё переброевал и переломал. Наведя порядок вверху, спустился вниз и решил ещё поиграть с молодым бычком и, шутя, ударом лапы переломал ему хребёт. После этого медвежонка посадили на цепь и приковали ко врытому в землю пятиаршинному столбу. Рядом смастерили для него избушку, а на вершине столба сделали из крепких досок смотровую площадку. По столбу медведь залезал на неё и наблюдал за проходившими людьми. К зиме в избушку настилали соломы, где медведь и спал до весны. Держали медведя около двух лет, и он настолько вырос, что и на цепи стал опасен для людей. Управляющий приказал медведя застрелить. Тушу освежевали, а медвежью шкуру барин отдал на выделку Григорию Лоханову в Афонино. Мясо отослали на кухню рабочим. На вкус медвежатины не всем понравилась, некоторые брезговали, но другие, как мы с Алёшкой Кошкиным, уплетали медвежье мясо за обе щёки и всю зиму были сыты. Медвежьего сала досталась мне целая кринка, я принёс его домой и хранил. Медвежьим салом хорошо смазывать гнойные раны у людей и животных – как помажешь им, вскорее рана заживёт.

Поездка в Устюжну

Один раз по торговым делам повёз я барина в Устюжну. В Череповце он стал покупать себе в дорогу колбасы и меня спросил: «А тебе, Дмитрий, какой колбасы купить?» Я сказал, что люблю чайную с чесночком. Вот он и купил мне чайной колбасы, а себе краковской. Завернул я свою колбасу в башлык да и положил в задок кошевы под сено, где сам сидел, а барин положил свою краковскую в корзинку. Проехали мы полпути и сделали остановку – самим надо было подкрепиться и лошадей покормить. Я взял свою колбасу и баринову корзинку и снёс на постоялый двор. Сели за стол, барин заказал самовар и графинчик «царской» для сугрева. Стали мы чаёвничать, я чайную колбасу ем, а краковская у барина так замёрзла, что её никакой нож не берёт. Он и говорит: «Дмитрий, можно я возьму твоей колбасы, а то моя очень сильно застыла?». Я, конечно же, разрешил. Так он моей чайной и закусил, а потом задумался и вдруг произнёс: «А скажи-ка мне, Дмитрий, как так получилось, что моя краковская колбаса замёрзла, а твоя чайная нет?» Я ему ответил, как на духу: «Так ведь я, батюшка-барин, чайную-то колбасу всю дорогу под собственным задом держал». Барин посмотрел на меня и говорит: «Я не понимаю тебя, Дмитрий, как это под собственным задом колбасу держать?» Тогда я объяснил ему, что завернул свою колбасу в башлык, положил под сено, а сам сверху сел, да так всю дорогу и ехал. Барин внимательно всё выслушал и, вдруг, как захохочет: «Вот так кучер, это надо же, какой колбасой барина накормил!» Поехали мы с ним дальше, а он и говорит: «Дмитрий, положи-ка ты и мою колбасу под сено, только смотри, туда, где я сижу». Так и доехали мы с барином до Устюжны – он на своей краковской сидел, а я на чайной. А когда вернулись домой в Алексеево, он дал мне рубль и сказал: «А это тебе, Дмитрий, за то, что научил меня колбасу в дороге сохранять».

На Пасху

По православному обычаю все крестьяне в канун Пасхи пекли куличи и красили яйца. А ночью, в Страстную субботу, несли их в церковь для освящения во время воскресной заутрени. Пекли в усадьбе пасхальный кулич и для господ. Сам Гальской с куличом в церковь не ходил, а посылал меня, подавая кулич и полтину серебром. После пасхальной заутрени я принёс барину в кабинет и подал крашенные яйца и освящённый кулич, сказав: «Христос Воскресе». «Воистину Воскресе», - ответил барин, подав мне пасхальное яйцо и поднеся ещё чарку царской водки, попросил съездить на дальний ключевой колодец за водой для чая. Я выпил водку и сказал: «Эх, и водочка сегодня приятна! Ещё б чарочку на другую ножку, чтоб веселее мне было ехать в

дорожку!» Барин усмехнулся и говорит: «Дмитрий, да мне ведь не жалко, только ты смотри, не опьяней, а то и воды не привезёшь». Подал ещё чарку, я выпил её, запряг лошадь и поехал в Шиляево за водой. Начерпал воды в бочку из колодца. Рядом там же был и пруд, а на берегу пруда травка зелёная, птички поют, солнышко пригревает – хорошо-то как! Дай, думаю, посижу я немного здесь – такая Божья благодать кругом, и впрямь Светлое Христово Воскресение. Сел я на бережок, разомлел да и заснул. Барин ждал, ждал меня с водой, взял да послал вдогон конюха Василия. Василий пришёл на пруд и видит как я лежу на бережку и приятно похрапываю. Разбудил он меня и говорит: «Дмитрий, ведь барин-то давно уже ждёт тебя с водой». Привёз я воду в усадьбу и пошёл в кабинет извиниться. Гальской встретил меня шуткой: «Ну, как, Дмитрий, вторая-то чарочка тебя и подвела? Я уж думал, не упал ли ты в колодец и Василия за тобой послал. На вот, выпей ещё чарочку, закуси на кухне да и поспишь потом». А вечером съехались в усадьбу гости. И вдруг приходит за мной в людскую лакей, мол, господа просят. Пришёл я в гостиную, а Николай Львович, опять поднеся мне чарочку, и говорит: «Спой-ка, Дмитрий, нам что-нибудь народное, а то кое-кто из моих гостей уже загрустил». Выучившись у дядка Ивана в детстве петь, я знал много русских народных песен, барин, зная это, часто присылал за мной. В тот раз спел я подвыпившим господам свою любимую песню «Гей, цыгане». Там есть такие слова: «...Есть вино – пьём его, нет вина – пьём воду. Ни за что не отдадим мы свою свободу...»

У Гальского я был на хорошем счету и выпивкой, можно сказать, не увлекался. Один раз выдалась тогда у меня такая весёлая Пасха.

СЕРДОБОЛЬНАЯ БАРЫНЯ

**(По рассказам Дмитрия Федотова (рожд. 1860 г.),
крестьянина из деревни Калининское)**

В одно время у Николая Львовича Гальского жила в усадьбе Алексеево его тётушка – старая дева Наталья Петровна Трусова. Она любила хлопотать и распоряжаться по хозяйству, но ни домочадцы, ни дворня всерьёз её почему-то никогда не воспринимали. Всех работников она считала большими детьми и своими подопечными, что и служило иногда поводом для наших добродушных подшучиваний. Но тем не менее, среди нас, работников, Наталья Петровна слыла за добрую фею. Будучи жалостливой и заботливой, при малейшем несчастном случае эта старая барыня принималась лечить мужиков, угощала их в утешение водкой, дарила серебряные монеты-полтинники и кумачовые рубашки. Однажды, пришла она к нам в людскую и завела такой разговор, что работники все одинаковы – вот, мол, хотя бы вы, Дмитрий

и Григорий Токмачёв. А он жаловался, что сам-то ты едешь на лошади Ласточке, а ему, ну никак не даёшь. Григорию же так хочется на этой лошади тоже поработать. Вороная и белоногая кобылица Ласточка временами бывала норовистой и горячей. Нередко случалось так, что она выкидывала ездоков из дровней, и кто не имел к Ласточке должного подхода, тот не всегда мог с ней справиться. На другой день после этого разговора надо было перевозить сено из стогов на дальних полях в усадьбу, и я дал наряд Грише Токмачёву ехать за сеном на Ласточке, предупредив его, что с кобылицей надо обращаться осторожнее. Грише же показалось, что лошадь еле вышла из конюшни. Он запряг её, вожжи взял в руки, а руки сунул в рукава и, сев в дровни, крикнул: «А ну, пошла, косоногая!» Лошадь рванула вдруг с места крупной рысью, дровни на повороте раскатили и ударило у зазора о вереву. Гриша кубарем вылетел из дровней и скатился под откос, а Ласточка понеслась дальше, в поле развернулась и без ездока помчалась к усадьбе, опять ударила о вереву, ослабив тем самым упряжку, и, заскочив в ворота конюшни со всего хода, оборвала постромки и, оставив дровни на улице, зашла с оглоблями к себе в стойло. Гриша, отлежавшись в поле, держась за спину и плача, пришёл в усадьбу. Наталья Петровна уже знала о происшедшем и вышла ему навстречу со словами: «Что, Григорьюшко, плачешь?»

-Матушка, Наталья Петровна, чуть не убила меня эта бешеная Ласточка!

-Не плачь, Григорьюшка, пойдём, я тебя полечу.

Привела она его в залу, растёрла ему спину бальзамом, поднесла водочки и сказала: «Поправляйся, Григорьюшка, а уж с Дмитрием я поговорю, чтоб не давал больше тебе таких бешеных лошадей». До этого Гриша Токмачёв служил в солдатах, но, видимо, сильно затосковал по родине и сбежал с места службы. Добравшись до своей деревни Альмашихи, сказал, что его отпустили, якобы, по болезни, и нанялся в работники к Гальскому. Вскоре его нашли и арестовали как дезертира, увезли в Череповец и посадили там в холодный каменный мешок, в котором можно было только стоять. И недолго бы тогда пришлось жить Грише, но надо отдать должное Николаю Львовичу Гальскому: он вступился за Токмачёва, начал хлопотать и вызволил его из тюрьмы. Вновь созданная медкомиссия обследовала и признала мужика не совсем нормальным и непригодным к военной службе. Так и остался Гриша Токмачёв в работниках у барина Гальского.

Как-то в конце лета мы с работником Василием Фадеевым пахали пары под овсяца. День стоял жаркий, рубахи одеты на нас были ветшалые, ходили за плугом, а в прорехи видны наши потные загорелые спины. Вдруг видим, приехала в поле Наталья Петровна. Вышла она из коляски и под белым зонтиком направилась к нам. Подошла, посмотрела внимательно на нас и говорит: «Ох, Дмитриюшко и Васильюшко, вы, наверное, и устали, да и рубашки-то на вас порвались».

Я вот поеду в город, так и куплю для вас новые». Мы с Василием, конечно, поблагодарили её, выразив свою признательность, искренне заверили, что работать теперь мы ещё лучше будем. Через какое-то время пришлось мне везти Наталью Петровну по хозяйственным делам в Череповец. Едем мы в пролётке по городу и, проезжая мимо одного мануфактурного магазина, видим выложенные в окне напоказ яркие ситцы и кумачи. Я придержал лошадей, посмотрел на окна и говорю: «Эх, Наталья Петровна, больно и хорош здесь продают на рубашки кумач». Сказал так, а старая барыня тут же и вспомнила своё обещание: «Ой, Дмитриюшко, я ведь и забыла, ты постой здесь, а я схожу в магазин и куплю вам с Василием кумачу на рубашки». Вскоре вынесла и подала она мне кумач. Вернувшись в Алексеево, я отдал Василию его отрез, а он мне и заметил: «Ну и смел ты, Митюха, мне б ни за что Трусовой так не сказать».

Покосы усадьбы Алексеево в большинстве своём находились далеко, в так называемых Пожнях – у реки Ягорбы. Косцы отправлялись в Пожни на целую неделю и брали с собой продукты. Жили мы на покосе в шалашах, а пищу себе готовили на кострах в поле. На завтрак, обед, паузну и ужин еда была одинаковой: суп с овсянкой, пшённая каша, квашеная капуста с солодовым квасом и молодой редькой, пили тоже квас или речную воду. Однажды, верхом на коне приехал к нам в Пожни с проверкой барин Николай Львович. Присел он к нашему шалашу и попросил угостить его квашеной капустой с квасом. Поел барин с аппетитом, но через полчаса, видимо, с непривычки, схватило у него живот, и он весь побледнел и покрылся холодной испариной. Пришлось, положив в телегу сена, везти его в усадьбу, а оттуда сразу же послали управляющего за врачом в Череповец. Поправившись, Николай Львович велел заколоть молодого бычка для рабочих, сказав: «С этой капусты все работники у меня перемрут, кто же тогда работать будет?» И стали каждый день возить к нам в Пожни свежепросоленное мясо с погреба и варить для косцов мясную похлёбку.

Каждый косец имел свою собственную косу, сам её пробивал, точил и направлял. Но не все работники умели правильно насадить и пробить свою косу, и приходилось им, выбиваясь из сил, косить такой плохой косой, называемой «парушей». Была коса-паруша и у куриловского мужика Коли Шалаша. Машет, машет Коля своей косой, упарится весь и говорит: «Ребята, я «ары» сделаю». Выйдет на дорогу и ударит по ней пяткой косы, припевая: «Коси, коса, пока роса, роса долой – косец домой», сломает косище и пойдёт в усадьбу за новым. Такие «ары» делали и другие косцы, устраивая себе таким образом отдых в работе.

Каждый год в Духов день устраивал в усадьбе Алексеево барин Гальской пивные праздники для крестьян. На эти праздники в большом количестве варили пиво, брагу, а на закуську готовили студень, мясную похлёбку и пекли пироги. Во дворе усадьбы сколачивали столы и лавки к ним. С утра выкатывали к столам с погребов бочонки с охлаждённым

пивом и брагой, расставляли деревянные тарелки со студнем и пирогами. Из окружающих деревень собирались в усадьбу мужики и бабы. Кухонная прислуга начинала подавать на столы горячую мясную похлёбку. Подходил Николай Львович, просил садиться всех за столы и угощаться. Работники степенно, не выказывая жадности и голода, ели сначала горячие щи и густое мясное варево с перловкой, затем начинали ходить над столом ковши с пивом и брагой, закусывали студнем и пирогами, хвалили барина и еду. Тут же во дворе, под вековым дубом, сидел сам Гальской с семьёй. Барыня Наталья Петровна ходила между столами и просила гостей кушать досыта. Сама наливала в ковш пиво и брагу и подносила мужикам и бабам. Утопив первый голод и жажду, довольные крестьяне запевали длинные песни, потом снова принимались есть и пить за здоровье господ Гальских и барыни Натальи Петровны. Наконец, начиналось вождение хороводов, танцы и пляски под русскую гармонь. Подвыпившие молодые мужики и парни в шутку подходили, приглашали Наталью Петровну на танец, шутя же стараясь её приобнять. Барыня отмахивалась, смеясь, и говорила: «Что вы, ребята, что вы, ведь я уж старая». Хотя ей и льстили шуточные мужицкие ухаживания, нравилось и то, что народ её уважает и любит.

Довольные, подходили мужики к Гальскому, уверяли его: «Николай Львович, да Вы только позовите нас, так мы для Вас всё сделаем. Скажите только когда».

Такие пивные праздники помогали помещику Гальскому расположить к себе крестьян. Слово данное барину, крестьяне держали, и по первому его зову приходили в усадьбу на любые работы. В то время из-за недостатка работников пришли в запустение многие помещичьи усадьбы, а Гальской, умея ладить с крестьянами, содержал своё хозяйство в идеальном порядке.

Газета «Октябрьский мост», 2 декабря 2003 г.

КРОВЬ ГЕРОЯ

(По рассказам Дмитрия Федотова (рожд. 1860 г.),
крестьянина из деревни Калининское)

По проекту правительства, железная дорога «Петербург-Вологда» должна была проходить минуя город Череповец. Но по настоянию Череповецкого городского головы И.А.Милютина, железную дорогу проложили через Череповец. На её строительстве, начатом в 1902 году, крестьян из окружающих деревень обязали отработать определённое количество коне/дней и пеше/дней.

На лошадях возили крестьяне камни и земляной балласт, который брали за рекой Ягорбой, у деревни Борок. Возил балласт и я вместе со своим отцом Федотом – каждый на своей лошади. Как-то в месте, где брали землю, мы обнаружили лежащие одна на другой две тяжёлые каменные плиты. Верхняя был немного меньше нижней, мы её приподняли и обнаружили под ней несколько больших медных монет чеканки первой половины XVII века. Нижнюю плиту, большую по размерам, несколько человек – возчиков балласта хотели тоже приподнять или сдвинуть, но все усилия оказались напрасны, а жаль, вдруг там находился какой-либо клад? А могло быть и чьё-то захоронение – на обеих плитах виднелись выбитые на церковно-славянском языке какие-то слова и числа, но разобрать их мы не смогли.

В начале 1904 года с 26 на 27 января, гибелью крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» в сражении между эскадрами у Порт-Артура, началась русско-японская война. В последний день марта вице-адмирал С.О.Макаров, держа свой флаг на эскадренном броненосце «Петропавловск», повёл эскадру из гавани Порт-Артура в сражение. 13 апреля броненосец «Петропавловск» наскочил на целый «букет» мин. Погрёба его сдетонировали, за ними рванули котлы, и через одну-две минуты броненосец затонул. Из экипажа никто не спасся, на поверхность воды через какое-то время всплыла только адмиральская шинель. Погиб и находившийся на борту наш знаменитый земляк художник-баталист Василий Васильевич Верещагин.

На Японскую войну из Череповца войска отправлялись весной на судах по Шексне и Волге до города Ярославля, а от него по ж/д дороге на Дальний Восток. На пристани, в толпе отправляющихся на фронт подвыпивших солдат раздавались возгласы: «О, да мы этих япошек шапками закидаем!» Но всё оказалось не так просто, как предполагалось в то время большинством россиян. Участник русско-японской войны, солдат Царицынского пехотного полка Павел Пойгин из деревни Паздерино о тех событиях записал стихами:

*Ах, Череповец, спасибо, помогли нам, чем могли!
Булки стоят три копейки, с нас же драли пятаки.*

*А в Леушине священник нам молебен отслужил,
Наш поход благословил, святой водой всех окропил.
(Леушинское монастырское подворье и Сретенская церковь
располагались на пересечении Александровского – ныне Луначарского –
проспекта и улицы Крестовской – ныне Ленина.)
Не доехав до Мукдена, слезли с поезда скорей,
Расположились биваком близ китайских мы полей.
На полях трава большая – по сажени высоты,
Японцы в нас из ней стреляли – мы валялись, как снопы.
Отслужили нам молебен, на Мукден нас повели.
Выпал жребий нам такой – стоять в цепи передовой...*

Дальнейшие записи Павла Пойгина не сохранились, а о событиях того времени Фёдор Кузьмин из деревни Калинское рассказывал так:
«Когда нас везли на Дальний Восток, солдаты и младший офицерский состав были настроены очень воинственно и говорили, что победа над японцами достанется нам легко – победим их без потерь и сразу поедом домой. После нескольких боёв с японцами в Манчжурии мы поняли, что «шапками их не закидать» и стали задумываться о том, что на фронте происходит что-то неладное: то ли измена, то ли командование не готово к войне. А было и то и другое. Командный состав плохо знал местность, где проводились бои. Бывало, поведут нас в наступление, японцев впереди мы и не видим, как вдруг они открывают по нам стрельбу с совершенно противоположной стороны. Не хватало боеприпасов, питание было плохое. Однажды пришёл на фронт состав из нескольких вагонов, и при разгрузке оказалось, что в них, вместо ожидаемых снарядов и патронов, находятся иконы. Раздали иконы солдатам и призвали бить врага без пощады. Солдаты недовольно переговаривались: «Японцы бьют нас снарядами, а мы что, иконами их бить будем?»

Сражения – морские и между пехотой проигрывались одно за другим: у реки Шахе; при Мукдене; Цусима; захват Японией острова Сахалин в мае 1905 года. Наконец, в конце августа Россия уступила Японии Южный Сахалин, передала права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, признала Корею сферой влияния Японии и в Портсмуте подписала мирный договор. Нас, солдат-пехотинцев в ноябре расквартировали по казармам города Харбина. Мы были голодны, нас ели грязь и вошь, дисциплина пала, чувствовалось глухое брожение и недовольство в рядах солдат. В нашем полку служили два друга-земляка, один из них был полный георгиевский кавалер всех четырёх степеней. Однажды он вышел погулять в город, не успел ещё далеко отойти от своей казармы, как навстречу ему попался офицер, и солдат-герой, вместо того, чтобы отдать офицеру честь, демонстративно прошёл мимо. Офицер, взяв за плечо, остановил солдата и ударил его в лицо кулаком, на что солдат нанёс офицеру

ответный удар. Тогда офицер достал из кобуры наган и, в упор выстрелив в голову солдата, убил героя наповал. На звук выстрела прибежали солдаты, находившиеся на улице и в казарме, схватили офицера и скрутили ему ремнём руки. Друг убитого героя встал на колени перед окровавленным, недвижимым телом товарища и начал оплакивать его так, как оплакивают в русских деревнях покойников: *«Дорогой ты мой, любезный друг! Как тебя не отпускал я, как тебя я уговаривал – словно чувствовал беду великую, беду великую, непоправимую! Когда съеду я домой, что скажу и что отвечу твоему отцу и твоей матери, молодой жене и сыну малому? В бою щадила тебя пуля самурайская, здесь погиб ты от руки злодея русского – офицера прусского!»* (Офицер носил немецкую фамилию.) К месту происшествия подходили всё новые и новые солдаты. Один из них подошёл к телу убитого и выкрикнул:

-Братья! Солдаты! Посмотрите на грудь убитого героя! Она вся увешана крестами и медалями, которые говорят за то, что на поле боя наш товарищ не осрамил честь и славу русского оружия и Отечества! Сколько нашего брата-солдата полегло за эту «честь и славу» на чужих нам Манчжурских полях? Товарищи, мы все с вами здесь, и с теми, кто погиб на полях сражения, до последней капли крови честно выполняли присягу, данную царю и Отечеству! А этот прусский выродок-офицер поднял сегодня руку на нашу солдатскую честь и славу и застрелил лучшего из лучших, пролил кровь нашего товарища, солдата-героя! Что вы на это скажете, братья-солдаты?»

В толпе поднялся шум, гул голосов и выкрики: «Смерть злодею-офицеру! Смерть всем офицерам-изменникам и издевателям!» Возбуждённые происшедшим и своими выкриками, солдаты схватили офицера-убийцу, раскачали и ударили головой о каменную стену казармы так, что мозги его выскочили наружу. И тотчас принялись хватать и убивать, не успевших укрыться, ненавистных им офицеров. Весть об убийстве солдата – георгиевского кавалера быстро разносилась по Харбину и дошла до других городов Дальнего Востока, где были расквартированы войска, бывшие в боях с японцами. Вскоре вспыхнуло восстание солдат, матросов и портовых рабочих в городе Владивостоке.

Во всех воинских частях начались волнения – солдаты требовали немедленной отправки их домой, повсюду устраивая манифестации. Местное командование было напугано и в солдатские беспорядки не вмешивалось. К нам приехал командующий Манчжурской армией генерал Линевиц. К солдатам, построеным на плацу, генерал обратился с такой речью: «Братушки! Солдатики! Чем вы недовольны? Что вам нужно?» Солдаты из строя в один голос выкрикивали и скандировали: «Домой! Домой! Домой!» Линевиц сказал, что если мы – солдаты, будем благоразумны, то отправка войск по домам начнётся завтра же. На другой день нас погрузили в товарные вагоны и повезли в

город Владивосток, где в порту уже ждали корабли. Через день корабли вышли из бухты с солдатами на борту и взяли курс на запад – в Центральную Россию. Шли по Тихому и Индийскому океанам, изредка заходя в некоторые порты для пополнения запасов топлива и пресной воды. На землю с борта кораблей выходить никому не разрешали. Но мне особенно запомнился остров Цейлон, в порту которого наш корабль стоял несколько дней. С борта корабля нам были видны, стоящие в зелени пальм и других диковинных деревьев, дома, хижины и люди. Люди ходили без всякой одежды – их тёмная кожа, как лакированная, блестела на солнце. От Цейлона корабли пошли на Мёртвое море и Суэцкий канал, через него вышли в Средиземное море и проливом Босфор вошли в последнее для нас – наше Чёрное море. В то время, когда нас вывозили из Манчжурии, во многих городах Сибири и Центральной России на крупных железнодорожных станциях происходили волнения, восстания и забастовки рабочих. Поэтому нас, мятежных солдат, вывозить из Манчжурии железной дорогой командование побоялось, и везли нас этим длинным морским путём. Корабли шли переполненные, санитарных условий не было никаких, люди заболели и умирали дорогой. Покойников выбрасывали за борт в океан, и до России добрались две трети из всего солдатского состава.

ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ ЧЕРЕПОВЕЦКИХ БОЛОТ

Как мы уже все знаем, за северными окраинами Череповца начинается Великое болото – оно же Пустыньское, Казённое и Тоньшаловское - а заканчивается перед дорогой у деревень Царёво и Глухая Лохта. В одном километре от деревни Царёво на болоте находится небольшое, диаметром около 700 метров, озеро под названием Петрово. Из него вытекает речка Кономица и впадает в реку Коному с правой её стороны. Рядом с Петровым озером находятся ещё два озера – Кругленькое и Долгонькое, оба беспроточные и безрыбные. Берега озёр торфяные и топкие.

В трёх километрах от деревни Глухая Лохта, на северо-западной окраине Великого болота расположено озеро Шорьино. Диаметр оно не более полутора километров, берега торфяные и топкие. Термин «шор» («сор»), как объясняет Е.М.Поспелов в своей работе «Топонимика Севера», происходит из финно-угорского языка народов коми и означает – «небольшое болотное озеро», что вполне соответствует и оправдывает название озера Шорьино. Когда-то оно было беспроточное, но в начале 19 века от озера к реке Ягорбе прокопали сточную канаву, по которой в Шорьино заходит рыба.

Озеро Колманское, находящееся в 10 километрах от Череповца, по правобережью реки Ягорбы, также было беспроточно, и от него в то же

время прокопали к реке Ягорбе большую сточную канаву. Сначала в народе называли её Большая Копань, позже она приобрела название – река Колмакса. Во время работ по прокапыванию этой канавы находили около озера Колманского человеческие черепа и кости. Юго-восточный берег этого озера песчаный и высокий, там рыбаки находили обломки различной глиняной посуды, а это говорит о том, что здесь находилось древнее поселение, а на месте нахождения черепов и костей велись захоронения людей. Судя по летописным историческим сведениям, в наших краях уже в 6-м веке жило финно-угорское племя весь. Видимо, оно и дало название озеру Колманскому. В его наименовании – основа «колм» происходит от финно-угорского слова «калма» и означает «смерть». К тому же финское слово «калмисто» означает «кладбище». Из всего этого следует, что озеро Колманское, по сути, «кладбищенское озеро».

Земли к северу от города Череповца по левую сторону древнего Кирилло-Белозерского тракта, и по правую, до речки Асбуй, принадлежали когда-то Череповецкому Воскресенскому монастырю. В то время, видимо, и стали называть Великое болото Казённым. В 10 верстах от Воскресенского монастыря с северо-западной стороны древнего тракта, на месте современного посёлка Тоншалово, стояло монастырское подворье. Монастырские власти на этом подворье держали крупный и мелкий рогатый скот и лошадей. Ухаживали за скотом и пасли его служки, попавшие в пожизненную кабалу монастырю за невыплаченные оброки. Для выпаса скот с подворья приходилось гонять за болото к реке Ягорбе. На берегах Ягорбы и Колманского озера находились и сенокосные угодья. Для пользования пастбищем и покосами монастырские власти заставили своих крестьян проложить через болото к берегам Ягорбы мостовую дорогу. Крестьяне-служки из заготовленных в сосновом лесу на западной стороне болота брёвен, положенных вплотную друг к другу, выстлали ровную, как мост, дорогу, за что она и получила своё название: «мостовая». Ширина дороги была около пяти сажен. Через всё болото шла она от монастырского подворья до реки Ягорбы. Летом по этой «мостовой» дороге гоняли служки скот на пастбище, а зимой ездили по ней за дровами и заготовленным сеном. Деревенским крестьянам монастырские власти пользоваться мостовой дорогой не разрешали, и пришлось крестьянам выстлать через болото к Ягорбе свою дорогу. Шла она северо-западной окраиной болота и из него выходила к речке Асбуй, дальше по правому берегу Асбуйа до самой Ягорбы. На крестьянской дороге брёвна были короче брёвен мостовой дороги, и сама дорога получилась немного уже. Выросшие дети крестьян, построивших для себя дорогу, называли её «родительской», так как их родители сделали дорогу для своих нужд. Две древние дороги в болоте... По какой же из них собирался пойти череповецкий лекарь Грязнов, когда квартирные хозяева его так отговаривали: «Не ходил бы ты на ту старую дорогу да не искал бы

себе гибели?» Кроме «родительской» дороги на Великом болоте есть «родительское кладбище». Предание гласит, что людей, умерших от моровой болезни, либо не своей смертью, хоронить на общем христианском кладбище монастырские власти не разрешали. Для их захоронения отвели место на западной окраине болота – там, где в него заходила «родительская» дорога. Называли это кладбище «родительским». Следы этого кладбища видны и в наши дни – на маленьких холмиках повсюду лежат камни – заметки могил. А там, где «родительская» дорога выходит к речке Асбуй, у самой речки, на её возвышенном берегу находится древний курган, и около него тоже просматриваются небольшие продолговатые холмики, напоминающие захоронения людей. Далее в берегах у русла речки Асбуй обнаруживаются небольшие скопления почерневших, как уголь, черепов и костей животных. Тут же видны стволы деревьев, торчащие и лежащие рядами и кучами. Возможно, это остатки древних жилищ людей, живших при впадении Асбуя в Ягорбу. На языке финно-угорской группы народов коми «ас» означает «свой, родной» (дом, посёлок), а «буй» - «вода, речка». Видимо, название «Асбуй» означает – «своя, родная речка». В середине болота, ближе к реке Ягорбе, было когда-то глубокое окно-озерко, с плавающим на поверхности воды мхом и топкими берегами, называемое «плавью». По преданию, в этом болотном окне, поросшем мхом и клюквой, немало погибло людей и скота, за что и назвали это опасное место «Тонь шалая», и болото стало называться Тоньшаловским.

В 1764 году при Екатерине II монастырь «за непотребное поведение монахов» закрыли, монахов перевели в другие монастыри, а Тоньшаловское подворье перешло во владение Андогскому Филиппо-Ирапскому монастырю. В начале 19 века это монастырское подворье вообще закрыли, на его месте эконом-коллегия поселила бывших монастырских служек-крестьян, живших в близлежащих деревнях. Вновь поселённую деревню назвали Тоньшалово. В 1804 году в ней находилось 6 крестьянских хозяйств, а жителей обоего пола насчитывалось 36 человек. Мягкий знак в названии деревни впоследствии был утрачен, и теперь говорят и пишут – «Тоншалово». Монастырские власти запрещали мирянам ходить и ездить по их митрополичьим дорогам и землям не только в бытность Воскресенского монастыря. В 15 веке Белозерский князь Михаил Андреевич жаловал Кирилловскому монастырю грамоту, запрещающую проезд через монастырскую слободку Романовскую: *«Се яз князь Михаил Андреевич Игумену Касьяну с братиею: не велел есми ездити никому от Череповси к Ёрге не бытии пути санному, ни стопнику, а велел если всем ездити старою дорогою пошлою – мимо их слободку на лес в Череповси».*

Между старцами Кирилловского монастыря и мирянами шёл нескончаемый межевой спор и тяжба за земли, дарованные монастырю в 14 веке Белозерским князем Романом Ивановичем. В связи с этим, в

«Исторических Актах» того времени упоминаются наши Череповецкие болота. В стараниях уточнить границы монастырских владений и земель Великого князя велась бурная переписка, судьи выезжали на местность, приглашались свидетели... *«И старец Мартемьян так рек: Дал Роман Иванович в дом Святой Богородицы игумену Трифону слободку Васильевскую и с лесы и с пожнями... И у нас, господине, на ту слободку Васильевскую грамота княжа Михаила Андреевича жалованная»...* Указал Мартемьян между от Великого князя земель: *«От Ярогомж по болото, а подле болота от речки Чюлмосора от Великого холую (межевой признак) около Якушова починка и Раменья Максакова к дорозе (к дороге) к ямской и ко конец мостища да поперек дороги ямские подле тож болото около Моравьева и Сысоевского и Даниловского в речку Кучесар». И став у речки Кучесар, так рек Мартемьян: «То, господине, наши крестьяне, по та места пахали куда еси вам указал – по то болото». И судьи спросили Онтманка Огафонова да Гриди Ефунина да Онтманка Зятка: «За колко лет помните? Скажите божью правду, чьи то земли бывали изстари на которых мы стоим, куды те земли тягивали?» И Онтонко и Гридка и Онтманик так рекли: «То земли были Великого князя, а поедите, господине, за нами. Мы вам ту между укажем, то отцы нам указали». И повели от речки от Чюлмосора речкою Бойзорою вверх до Гавшина мху, до болота, до верховья до Ибозорского, а от верховья поперек болота Гавшина мху с версту и поперек дороги Ямские прямо к болоту к Долгому, а из болота речкою Черною вниз до речки до Кучесара до устья и став у речки у Кучесара, куда еси вам указали, то межа Великого князя деревням Арбуйским с Кирилловскими деревнями с Васильевскою слободкою – правая сторона Великого князя Ярогомжская, а левая сторона Кирилловская... А Мартемьян указал между: от речки от Кукобоя вниз прошед с версту по речке по Чюлмосару да из речки из Чюлмосара направо лесом около тех деревень Мясова, да Хламова, да Медведева, да пустошен Паршина, да Никитина, да в ту же речку в Чюлмасар, а Чюлмасаром вниз до Великого холую...»*

Как завораживающе звучат слова Древних Актов и местные названия, будто какая-то таинственная старинная музыка!

И ещё одно, долгие годы передаваемое местными жителями из уст в уста, красивое предание о «кладе с церковной утварью». В нашем Тоньшаловском болоте есть плавь-озерко, которое когда-то в древние времена было настоящим озером. Из этого озера-плавни вытекала небольшая речка под названием Чёрная (не более 1 км.) и впадала в Ягорбу. От берегов Чёрной речки (поросшей чёрной смородиной) в разные стороны болота проходили речные заводи. Впоследствии, берега речки поросли ещё и густым мелким ивняком, а саму речку и её заводи затянуло мхом и осокой. По берегам Чёрной речки росло много голубики и брусники, а по заводям – клюквы. И вот в 1858 году пошла по

ягоды на болото Антонина Шилова – восемнадцатилетняя девушка из деревни Большие Шубацкие. Собирая бруснику около Чёрной речки, проступилась и по пояс провалилась в заводь. Ноги её в болоте упёрлись во что-то твёрдое. Придя в себя, Антонина нагнулась и руками нашарила в яме какие-то металлические предметы. Достала на поверхность один, и это оказалась церковная чаша. Посмотрела её девушка и положила на место, заметив его, пошла домой. Дома рассказала отцу Якову Шилову о своей находке. На другой день Яков с дочерью взяли два мешка и пошли на Тоньшаловское болото за кладом. Пришли на то место, Яков спустился в яму, присмотрелся и обнаружил лодку, с лежащей в ней разнообразной серебряной и медной церковной утварью, спрятанной, видимо, во времена нашествия на Русь польско-литовских захватчиков кем-то из наших предков в одной из заводей Чёрной речки. Лодка, нагруженная церковной утварью, простояла в той заводи около 250 лет. Достал Яков из лодки утварь и сосуд с монетами старинной чеканки, уложили с дочкой всё в мешки и унесли к себе домой. Всю церковную утварь распродал Яков в городе разным людям, а вырученные деньги пропил вместе со своим родным братом. Через какое-то время, протрезвев, видимо, опомнился и оставшийся ещё у него сосуд со старинными монетами отнёс в Степановскую церковь, подал священнику и сказал, что это в дар церкви «на моления о его грешной душе». Священник те монеты не взял, сказав почему-то, что они «еретические» и выгнал Якова из церкви. Так и осталось загадкой, почему поп назвал монеты «еретическими», и к кому потом попали они и распроданная Яковым церковная утварь?

Газета «Октябрьский мост», 25 ноября 2003 г.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АРХИВЫ

ЗАКРЫТИЕ ДЕМЕНТЬЕВСКИХ ЦЕРКВЕЙ

Историческая справка

Приход Покровской Дементьевской церкви V класса

Существующие ныне две каменные церкви, одна во имя Покрова Божьей матери с приделами Св.Димитрия Митрополита Ростовского и Св.Благоверных князей Бориса и Глеба, другая во имя Антония и Феодосия Печерских чудотворцев построены (тщанием помещика сельца Малечкино Петра Петровича Голохвастова) – первая в 1814 году, а последняя в 1849 году. На месте последней, по сказаниям старожилов, стояла весьма ветхая деревянная церковь во имя тех же угодников.

...Церковь расположена близ просёлочной дороги, идущей от Турховы в город, в 9 верстах от последнего.

Причт получает штатного жалованья 159 рублей (в год), доходу церковь получает:

От продажи свеч 36 рублей; от сборов кошелековых около 150 рублей в год; от продажи сборного хлеба, холста и прочих, тоже около 150 рублей.

Источник: Новгородский сборник, выпуск V.

Издание Новгородского статистического комитета под редакцией Н.Богословского. Новгород, 1866 год.

После окончания октябрьской революции 1917 года и становления Советской власти перед закрытием (ликвидацией) церквей правительственные органы начали осуществлять отделение церквей от государства – передавали их в пользование и на полное содержание, включающее и ремонт церквей, созданным тогда религиозным обществам (численностью не менее 50 человек) и религиозным группам, состоявшим из 20 человек. (Дементьевскую церковную 20-ку составляло большинство верующих по фамилии Савиновы.)

Для начала в религиозной среде страны был спровоцирован раскол и деление верующих и священнослужителей на «обновленцев» - совершающих обряды с нововведениями – и «тихоновцев» - последователей патриарха Тихона (в миру Василия Ивановича Белавина), соблюдающих церковный устав и преследуемых органами в первую очередь.

Колокольный звон запрещался под видом помехи жителям. Колокола снимались и шли в переплавку. По деревням проводились общие собрания. Собирались подписи жителей, якобы ходатайствующих о ликвидации церквей и переоборудовании их под школы, клубы и прочее.

Священнослужители подвергались репрессиям, их лишали прав, арестовывали, высылали и расстреливали.

По опубликованным здесь архивным документам, либо выпискам из них нетрудно себе представить захлестнувшую тогда страну волну красного террора, оставляющую за собой разрушение и смерть.

В списке лиц, лишённых избирательных прав на 18.10.1924 г. по деревне Дементьево числились следующие священнослужители:

1. Тюльпанов Михаил – священник, 61 год, проживает с 1918 г. (враждебный элемент)
2. Тюльпанов Василий Михайлович – псаломщик – 28 лет, проживает с 1918 года (враждебный элемент)
3. Ливанский Василий – служитель культа – 22 года, ученик священника д. Кошта (враждебный элемент)
4. Смирнов Иван Николаевич – служитель культа – 51 год, уроженец (враждебный элемент)

В списках лишенцев на декабрь 1924 года числятся уже по селу Носовскому:

1. Смирнов Сергей – священник – 45 лет,
2. Кашенков Фил.Ак. – священник – 41 год,
3. Тюльпанов Михаил – священник – 61 год,
4. Тюльпанов Василий – псаломщик – 28 лет,
5. Ливанский Василий – служитель культа – 22 лет.

Списки на осень 1925 года (исправленные)

Деревня Парфёново:

1. Рогозина Екатерина – 1879 г. рожд. – игуменья (занимается рукоделием)

Хутор Карабыш (выселки):

1. Ливанский Василий В. 1902 г. рожд. – служитель культа – священник,
2. Антоновский В.А. 1858 г. рожд. – бывший монах – дьякон,
3. Новоденский Леон. 1878 г. рожд. – священник (занимается сельским хозяйством).

Источник: Череповецкий центр хранения документации.

В годы гражданской войны в среде духовенства активизировались модернистские группировки.

В 1919 году Иоанн Егоров в Петербурге затевает в своей приходской церкви самочинные нововведения:

выносит престол из аналоя на середину храма;

принимается за исправление богослужебных последований;

пытается перевести богослужение на современный русский язык.

Заштатный епископ Антонин (Грановский) совершал богослужение в московских храмах с соблазнительными новшествами, переделывая тексты молитв.

Патриарх Тихон 4 ноября 1921 года обратился к пастве с особым посланием, в котором подчёркивал недопустимость богослужебных нововведений: «Божественная красота нашего истинно назидательного в своём содержании и благодатно действенного церковного богослужения, как оно создано веками апостольской верности, молитвенного горения, подвижнического труда и святоотеческой мудрости и запечатлено церковью в чинопоследованиях, правилах и уставе – должно сохраниться в святой Православной Русской Церкви неприкосновенно,

как величайшее и священнейшее её достояние».

(Из книги протоиерея Василия Цыпина «История Русской Православной Церкви»)

На 1 ноября 1931 года в Заякошском сельском совете находятся два каменных здания церквей (обновленческого течения). Секретарь с/совета – Мылова.

24.03.1931 г. В связи с наличием эпидемии скарлатины и дифтерии в районе пасхальное хождение по домам духовенства с религиозными обрядами в городе и районе запретить.

Рай.сан.врач, Горсовет, Райисполком

Дементьевская

**Покровская религиозная
Община Заякошского с/с
Череповецкого р-на**

20 марта 1932 г.

№20

В управление

**Череповецкой районной
милиции**

Религиозная община препровождает анкету в 3-х экземплярах на священника Павла Филадельфина для регистрации, из коих один экземпляр возвратить в религиозную общину для приобщения к делу.

Председатель общины – Як.Цветков

Секретарь – Савинов Алексей Степанович

Анкета

на служителя Дементьевской-Покровской церкви религиозной общины

Фамилия, имя, отчество	Филадельфин Павел Васильевич
Место службы, занимаемые должности и род занятий с 1914 года по настоящее время.	С 1908 года по 1914 год священником Алексинской Преображенской церкви религиозной общины Привалинского с/совета. С 1914 по 1932 год священником при вышеуказанной Алексинской Преображенской религиозной общины по 14 марта сего года.
Выполнение культовых обязанностей по найму или по назначению	Выполняю культовые обязанности по найму
Размер получаемого жалования	Триста (300) рублей в год
Был ли осужден, когда и за что?	Осужден не был
Район деятельности	Заякошский с/с: деревни Дементьево, Заякошье, Курилово, Ившеево, Никитино, Войново, Калинский и Альмашиха. Коштовский с/с – Федорово; Носовский с/с – Б. и М. Сельца и Яконского с/с - Горка
Подробный адрес:	Поповка, Заякошского с/с Череповецкого р-на, Ленинградской обл.

20 марта 1932 года. Священник – П.Филадельфин

А из Смольного, относительно ликвидации церквей в районные исполкомы продолжали поступать многочисленные секретные циркуляры, постановления, распоряжения, исполнение которых, по точно преподанной форме, требовалось иногда в течение 3-х дней.

Президиум Ленинградского Обл.Исполн.Комитета

Сов.Раб.Крест и Красноарм. Депутатов

Всем РИКом. ГорСоветам

Не подлежит оглашению

Циркулярное

От 25.07.33.

Колокольный звон д.б. регулировать местные органы и ограничивать его или запрещать. При учёте колокольной бронзы надлежит выделить в особый список по согласованию с музейными органами колокола особого тонального звучания, а также колокола меньшего веса (до 16 кг.), могущие быть использованы для сигнализации в предприятиях, пожарных командах и сельской местности.

Согласно плана исполнения постановления СТО от 14.05. – с.г. о заготовке колокольной бронзы, колокола молитвенных зданий в тех местностях, где воспрещён колокольный звон – необходимо передать Металлому для немедленной реализации их.

Ответственный секретарь – Неглюевич

25.X – 1933 года с гражданами Дементьевской религиозной общины (на основании их заявления) Заякошским с/советом и Череповецким РИКом перезаключается (заключённый в 1918 году) договор на использование верующими молитвенного здания, то есть зимней Покровской церкви.

26.X. – 33 г. Комиссия составила опись церковного имущества и предметов религиозного культа, передаваемых в пользование церковной 20-ке.

1. Каменная церковь зимняя крытая железом – 1
2. Келия деревянная крытая щепой – 1
3. Келия старая – 1
4. Дровяник – 1
5. Ограда каменная – 1
6. Ворота железные – 1
7. В храме икон больших – 25, малых – 30
8. Киот с иконами – 1
9. Голгофа деревянная – 1
10. Купель медная с распятием – 1
11. Плащаница бархатная – 1
12. Занавес в царские врата – 1
13. Сосудов для благословения – 2

14. Подсвечники медные разные – 27
15. Дьяконовская свеча жестяная – 1
16. Чаша медная для водоосвящения – 1
17. Кропило – 1
18. Купель медная – 1
19. Кадило медное – 2
20. Чайники медные – 2
21. Дискос серебряный – 1
22. Звездица серебряная - 1
23. Дарохранительница серебряная – 1
24. Ящик медный под ладан – 1
25. Дароносица серебряная с принадлежностями – 1
26. Крест медный посеребренный – 1
27. Облачение с престолов – 4
28. Облачение с жертвенников – 4
29. Облачение священников – 8+2
30. Дьяконовское облачение – 5
31. Подряски – 6
32. Покрывало с престола – 4
33. Нарукавники – 18
34. Аналоев с одеждами – 4
35. Стенные часы – 1
36. Зеркало – 1
37. Книг церковных и журналов – 140

В летнем храме

1. Икон писания на дереве больших размеров – 27
2. Икон писания на дереве малых – 40
3. Книг церковных и журналов – 250
4. Подсвечники медные – 27
5. Дарохранительница серебряная – 1
6. Икона Св.Николая в серебряной ризе – 1
7. Икона Св.Кирилла Новоезерского в серебряной ризе – 1
8. Венцов медных – 4
9. Потир серебряный позолоченный – 1
10. Дискос серебряный 1
11. Звездица серебряная – 1
12. Тарелок серебряных – 2
13. Ризница серебряная с иконы «Знамение П.Б.» - 1
14. Евангелие в бархатно-серебряной обложке - 1
15. Евангелие в медной обложке – 1
16. Крест напестольный серебряный – 1
17. Крест карманный – 1
18. Подсвечники медные малые – 2
19. Икона Св.Пантелеймона в киоте (средних размеров) – 1
20. Иконостас деревянный резной – 1

21. Аналой складной – 1
22. Стихари для мальчиков шёлковые – 2
23. Подставка под гробницу деревянная – 1
24. Колокола медные 109 пудов – 1; 25 пудов – 1; 8 п – 1; 3 п – 1; 2 п – 1; 1 п – 1.

(Опись церковного имущества приведена здесь не полностью, так как в оригинале документа, написанном от руки карандашом, невозможно разобрать некоторые слова.)

30.X – 33 г. из Заякошского с/совета в управление районной милиции поступило заявление для производства расследования о недостатке предметов обихода в культе.

1. Дарохранительница серебряная (довоенная) – 10 рублей
2. Серебряная риза (довоенная) – 15 рублей

РСФСР
Череповецкий исполнительный комитет
Советов
Рабочих, Крестьянских и
Красноармейских депутатов

Облисполком
Комиссия
По вопросам культа
Ленинград, Смольный
Комн. №283

На 23.02. от 03.11.33 г.

Направляются сведения о религиозных объединениях за I и II половину 1932 года по присланной форме. Аналогичные сведения Череповецкий РИК выслал в ОблИсполком в комиссию культов половину 32 года – 19 июля за №1-9, за II половину 32 года – 5 января 33 года.

Сведения были составлены точно по преподанной форме.

Секретарь РайИсполКома
 Секретарь культовой комиссии

На 29 XI – 1934 года в Заякошском с/совете числятся 2 каменные церкви, из которых одна сдана верующим Дементьевской религиозной общины, а другая, за отсутствием желающих составить религиозную 20-ку, не сдана.

Вопрос о ликвидации несданной церкви находится на решении ОблИсполКома.

27 мая 1935 года. Часовня в деревне Курилово по назначению не используется и передаётся под складское помещение.

Часовни были почти в каждой деревне: в Данском, Шалаеве, Шубацком, Обухове, Яконском, Остинском, Серове, Солманском, Питино, Ивачево, Матурино, Кабачино и др.

Акт
Заякошского сельского совета
От 25 декабря 1935 года

Церковь летняя: среди прочего с одной части здания выстроена колокольня. При неравномерной усадке фундамента стены дали вертикальную трещину с обеих сторон здания, где необходимо усилить фундамент, чем можно сохранить здание от разрушения и сделать расщепку щели цементом. Отремонтировать конёк крыши над папертью, расшибленный опущенным колоколом. Произвести ремонт и зимней церкви.

Акт от 25 августа 1936 года
Комиссия произвела осмотр:

Неотремонтированная летняя церковь имеет следующие дефекты: здание соединяющее колокольню и церковь от более сильного давления на фундамент получило сквозную трещину, угрожающую разрушением здания.

Ограда кирпичная, крыша дощатая пришли в негодность.

Заключение комиссии: отклонившаяся от основной части здания колокольня вызвала появление трещины в кирпичной стене. Ремонт данного помещения потребует больших средств, поэтому комиссия постановила:

Верх колокольни разобрать наравне с другой частью помещения и покрыть крышу под один скат.

Над всем помещением окрасить железную крышу.

Ограда частично разрушилась, кирпич увезён в колхозы, предлагается её разобрать и поставить деревянный забор.

Недействующую летнюю церковь приспособить под школу. Просим Президиум РайИсполКома настоящий акт утвердить.

После осмотра летней церкви и заключения комиссии составляется план и ориентировочная смета на сумму 13978 рублей 11 копеек по переоборудованию летней церкви под школу.

20. VII – 1938 г. Председателям церковной 20-ки Заякошского с/совета

Обследованы техником-строителем постройки, где вы никакого ремонта не производите, этим самым нарушая закон и злоупотребляя государственным имуществом. Коммунальный отдел обязывает вас произвести ремонт дома, сеновала, бани (стоявших, видимо, в Поповке) с таким расчётом, чтоб постройки имели 100% годность для эксплуатации.

Срок выполнения до 01.09 – с.г., иначе постройки будут изъяты от вас.

Зав. Крмунальным отделом РИКа - Медведев

Выписка из протокола №62
Заседания Оргкомитета ВЦИК по Вологодской области
От 29 октября 1938 года

Слушали ходатайство Череповецкого Райисполкома от 19 сентября 1938 года о закрытии Покровско-Дементьевской церкви в Заякошском с/совете.

Постановили: Дементьевскую церковь (зимнюю) в Заякошском с/совете закрыть. Здание церкви после её ликвидации (и ликвидации находящегося в ней культового имущества) передать Заякошскому с/совету для переоборудования и использования его под клуб.

Председатель Оргкомитета ВЦИК по Вологодской области – Абрамов
И.О. секретаря Оргкомитета – Васильева

Акт
18.XI – 1938 года.

Мы, нижеподписавшиеся: уполномоченный РИК инспектор Госдоходов Районо – Селянинов Б.В., председатель Заякошского с/совета – Калашников, представитель от музея местного края – Морозов, от цветметкома – Цветков, в присутствии председателя церковной 20-ки Савинова Алексея Степановича, произвели изъятие церковного имущества Дементьевской церкви, находящейся в Заякошском с/совете.

Оказалось нижеследующее:

1. Согласно имеющейся описи церковного имущества от 26.10.1933 г. имущество оказалось налицо и в полной сохранности, за исключением разбитого футляра дарохранильницы и недостающего одного стального копыя (стальное копыё нашлось).

19 ноября 1938 года.

По акту в Заякошский с/совет передано следующее:

1. Церковь каменная зимняя с железной крышей (использовать под клуб) – 1
2. Келья деревянная старая – 1
3. Сеновал (дровяник) деревянный старый – 1
4. Хлев (уборная) – 1
5. Баня деревянная старая – 1
6. Ограда каменная – 1
7. Табуреток деревянных – 3 шт.
8. Скамеек деревянных – 3 шт.
9. Шкафов больших – 2 шт.
10. Угловой шкафчик – 1 шт.
11. Книжный шкафчик без дверей – 1 шт.
12. Столиков маленьких – 3 шт.
13. Ризница (шкаф) – 1 шт.

14. Зеркало – 1 шт.
15. Стенные часы-ходики – 1 шт.
16. Тазов железных старых из-под краски – 1 шт.
17. Церковная библиотека (изорвана на макулатуру) – вес 150 кг.
18. Престолов дерев. – 2 шт.
19. Аналоев дерев. – 2 шт.
20. Жертвенников дерев. – 2 шт.

Сдал: – уполномоченный Райисполкома – Селянинов.

Принял: – председатель с/совета – Калашников.

19.XI – 1938 г.

Акт

Мы, нижеподписавшиеся уполномоченный РИК Селянинов Б., председатель Заякошского с/с Калашников произвели описание церковных вещей, как непригодных для дальнейшего использования.

Нижеследующие:

1. Иконы писания на дереве (разного размера) – 132 шт. (на дрова)
2. Голгофа деревянная – 1 шт. (на дрова)
3. Хоругви матерчатые – 4 шт. (изорваны)
4. Клирос деревянный - 2 шт. (на дрова)
5. Киоты деревянные – 2 шт. (на дрова)
6. Хоругви деревянные – 2 шт. (на дрова)
7. Библиотека церковная – 390 книг (на макулатуру)

Уполномоченный РИК – Селянинов

Председатель Заякошского с/совета – Калашников

Источник выше следующих документов – Череповецкий Центр Хранения Документации.

Мartiролог

(в переводе с греческого – «список мучеников»)

222. Филладельфин Павел Васильевич 1879 г. рожд. Уроженец г. Белозерска, русский, беспартийный, священник, проживал в д. Дементьево Череповецкого района, Ленинградской области.

Приговор приведён в исполнение в октябре 1937 года.

Всего в Левашовской пустоши расстреляно 40 тысяч человек.

Газета «Речь» за 6 декабря 1990 г. №228.

ЗАКРЫТИЕ ПАРФЁНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ И ЦЕРКВЕЙ

Выписка

Из протокола №1 заседания

Президиума Череповецкого Губернского исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов от 31 октября 1925 г.

Принимая во внимание, что деревянная церковь бывшего Парфёновского монастыря находится рядом с жилым помещением, и что в распоряжении Парфёновской религиозной общины в нескольких саженях находится каменный собор, который используется (и может быть использован) для богослужения, и полностью обслужит запросы верующих, что в домовой церкви богослужение почти не ведётся – домовую церковь закрыть. Здание корпуса и прочее имущество, не относящееся к богослужебным отправлениям, передать в Совхоз, предметы религиозного обряда - местной общине.

Сведения

О ликвидации молитвенных зданий Череповецкой волости Череповецкого уезда

Церковь домовая деревянная Парфёновской религиозной общины совхоза Парфёново с 1 октября 1925 года используется под клуб и общежитие Парфёновской школы Крестьянской Молодёжи.

Ст.делопроизводитель – Петухов

СССР

Нарком/пищепром

3-й Ленинградский

СвиноводТрест

Совхоз «Политотделец»

Ленинградской области

16.X – 1939 г.

№823

Г. Череповец, телеф. 1-53

В Президиум

Череповецкого

Райисполкома

На территории совхоза находится бездействующая церковь бывшего Парфёновского монастыря, частично используемая под складское помещение.

В целях решения вопроса о жилфонде совхоз в 1940 году, при вашем на то согласии, может включить в план строительства переоборудование церкви под 2-х этажный жилой дом. Для чего потребуется полы церкви разобрать и сделать их на уровне поверхности земли, что вызывается необходимостью устройства междуэтажного перекрытия, так как без существенного понижения

полов не представляется возможным создать нормальную высоту 2-го этажа.

Директор совхоза – Алексанянц

Срочно
В Череповецкий ОкрАдмОтдел
От 10.XII – 29 г.

Сообщаю, что все монахини из помещения бывшего Парфёновского монастыря, занимаемого совхозом «Парфёново», по постановлению Президиума ОкрРИКа выселены и перед ОкрРИКом возбуждено ходатайство о передаче собора под мельницу, согласно поданного ими заявления, как учредительницами об отказе от церкви и расторжении договора.

Нач. Череповецкого Р.А.О. – Шубников. -

Выписка из протокола №51
Заседания Президиума Череповецкого
Райисполкома от 6.XII – 29 года

Слушали: информацию тов. Шубникова о ликвидации Парфёновского собора.

Постановили: принимая во внимание отказ Парфёновской религиозной общины от содержания переданного им по договору в бесплатное пользование храма и ходатайство граждан окружающих деревень: Парфёново, Леонтьево, Старина, Шухтовское и хутора Шухтовское о передаче в пользование здания церкви совхозу «Парфёново» для переоборудования в нём мельницы на основании ст. 60 инструкции Н.К.В.Д. №328 от 1.X. – 28 года, обозначенной в бюллетене Н.К.В.Д. №37/337 от 24.X – 29 года, договор с означенной общиной расторгнуть.

Для приёмки культурного имущества, а также основного здания, выслать представителя Р.А.О., которому на месте с участием представителя с/совета и религиозной общины принять всё по списку, в котором указать какие пункты общиной не выполнены по договору на предмет предъявления к ним иска.

п.п. Председатель – Труфанов
Секретарь – Башнин

Январь 1930 года
Заведующему Округа

Ввиду ликвидации Парфёновского собора просьба выслать на 20 января с/года своего представителя в совхоз «Парфёново» как представителя в комиссию от Госфонда на ликвидацию церковного

имущества.

Нач. Череповецкого Р.А.О. – Шубников

Директору совхоза «Парфёново»
24 апреля 1930 года

По полученным мною сведениям, усматривается, что у переданного от Парфёновской религиозной общины для ликвидации церковного Собора до сих пор не сняты главы и кресты, а посему предлагаю указанные предметы, совсем не пригодные для мельницы, срочно снять и сообщить мне.

Нач. Череповецкого Р.А.О. – Шубников

Источник – Череповецкий Центр Хранения Документации.

ЗАКРЫТИЕ ТУРХОВСКИХ ЦЕРКВЕЙ

В одном километре от деревни Климово две Турховские церкви – каменная летняя (1866 г. постройки) с колокольной (6 колоколов) и деревянная (та, которую взяла в аренду религиозная община Киселевского с/совета, зарегистрированная 10/03 – 30 г.)

Священник Ливанский Василий с 1902 г. рождения с 1921 по 1924 год служил псаломщиком в Турховской церкви, а с 1924 года - священником.

Одной стеной в каменной церковной ограде (с железными воротами и железной калиткой) в десяти сажнях от церкви стоит каменная сторожка и бревенчатый амбар с деревянными засеками и потолком.

Список

Религиозных объединений, молитвенных зданий и помещений по

Киселевскому с/совету

На 20/XI – 1931 года.

1. Парфёновский собор – службы не производятся (здание кирпичное).
2. Преображенская Турховская церковь (обновленческого течения (деревянная).
3. То же (обновленческая) кирпичная.
4. Келья приходская (обновленческая) кирпичная.

Секретарь с/совета –

На основании С.П.К. от 14 мая 1932 г. №717

В списке колоколен, служащих пунктами тригонометрической сети (геодезическими знаками) и подлежащих сохранению, числятся Турховская, Парфёновская, Дементьевская и Яргомжская колокольни.

20/XI – 1933 г. В Череповецкий РИК

Приходской совет Турховской религиозной общины (кол-во 29 человек) в виду перезаключения договора (первый раз заключённого в 1919 году) с Киселёвским с/советом на право пользования молитвенным зданием и церковным имуществом, согласились взять в пользование одно здание зимней церкви (летнее здание приспособить под зимнее не имели возможности). Колокольня же у летнего здания в договор не внесена, посему просим Череповецкий Р.И.К. передать нам колокольню с колоколами, или разрешить снять часть колоколов меньшего размера и повесить их на столбах близ зимнего храма. Также просим всё имущество, находящееся в летней церкви и внесённое в инвентаризационную опись, передать Турховской религиозной общине как необходимое при отправлении наших религиозных обрядов.

Председатель общины – Пахомова

Выписка из протокола №54

Заседание Президиума Череповецкого ИсполКома от 25/X – 34 г.

Ввиду отказа религиозной общины от заключения договора на здания церкви (других лиц, желающих взять здания в аренду не оказалось) возбудить перед Президиумом ОблИсполКома ходатайство о закрытии указанных церквей, с использованием зданий под следующие нужды:

1. Дементьевскую Заякошского с/совета – под школу;
2. Турховскую Киселевского с/совета – под склад колхоза.

Секретарь Р.И.К.а – Сараев.

(Имелись ввиду, видимо, летние церкви.)

24/IX – 35 г. Райпрокурору Череповецкого р-на.

В Киселёвском с/совете при Турховской церкви обновленческого течения находится каменное здание, в котором в дореволюционные годы находилась школа (здание сторожки), ныне же занимаемое совершенно посторонними людьми – пятью монашками и священником. Ватагинская же школа помещается в совершенно непригодном крестьянском доме. Череповецкое Р.О.Н.О. просит вашего содействия на выселение жильцов с тем, чтобы в данном помещении поместить отделение Ватагинской школы.

Зав. Р.О.Н.О. – Языков
Техник – Судаков

Председателю Киселевского с/совета

Президиум Р.И.К. и Р.О.Н.О. предлагают вам в кратчайшие сроки произвести выселение жильцов (монахинь и попа) из каменного здания (кельи) при Турховской церкви, чтобы в ближайшее время можно было приступить к ремонту и приспособлению данного здания под школу. Можно получить содействие участкового милиционера на основании резолюции прокурора тов. Рыжова об оказании содействия в выселении со стороны Р.У.М.

Пред. Р.И.К.а – Бунов
Зав. Р.О.Н.О. – Языков

9/Х – 1935 г.

Президиум Череповецкого Р.И.К.а постановляет:

Здание бывшей церковно-приходской школы от Турховской религиозной общины изъять для размещения одного класса учеников Турховской школы, квартиры учителей и квартиры сторожа.

Жалобу Турховской религиозной общины, как не обоснованную, оставить без удовлетворения.

Зам.Пред. Р.И.К.а – Кузнецов
Секретарь – Михайлов

РСФСР

Ленинград

Смольный

Сектор Адм.Надзора

От 13/ХI – 35 г.

Череповецкий РИК

Комиссией по вопросам культа установлено, что церковная сторожка передана по договору вместе с церковью в 1933 году религиозной общине – 20-ке и отобрать её в настоящее время мы не имеем права, так как здание должно быть использовано для жилья лица, несущего обязанности сторожа, а по поводу выселения монашек советуем обратиться в народный суд.

Зав.Адм.Надзором – Неглюевич

26 декабря 1935 г.

Акт

Комиссией установлено: на предмет дальнейшей эксплуатации Турховской летней церкви необходим ремонт. К религиозному культу

она не принадлежит и используется потребкооперацией для хранения зерна. (Далее составляется ориентировочная смета по переоборудованию летней церкви под школу на сумму 6849 руб. 23 коп.)

1936 год. Турховская религиозная община подаёт ходатайство в Череповецкий Р.И.К. о выдаче служителю культа Ливанскому новых документов, взамен сгоревших в снимаемой им у хозяев квартире.

Затем в Госбанк за документы от общины поступает госпошлина суммой 104 рубля.

РСФСР

Ленинградский Областной Исполнительный Комитет Советских, Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов

Н/№23010 от 23/VIII – 36 г.

Не подлежит оглашению.

Циркулярно.

Лично.

Председателям ОкрИсполкомов, Райисполкомов и Горсоветов Ленинградской области

п.8. Закрытые, но не использованные до сего времени молитвенные здания, в зависимости от их технического состояния (если последние не состоят на учёте, как архитектурные памятники), или использовать по другому назначению, или снести, а материал обратить на нужды строительства.

Председатель ЛенОблИсполкома – Гричманов

Секретарь – П.Дорофеев

31/VII – 38 г.

В Ленинградский ОблИсполКом

От членов совета Турховской религиозной общины Лазаревой, церковного сторожа Костеревой и председателя Пахомовой поступает заявление с просьбой о регистрации найденного ими священника Никанорова Михаила и также они уведомляют ОблИсполКом, что церковная община аккуратно платит налоги (церковь ими отремонтирована и содержится в чистоте), содержит сторожа и псаломщика и просит без дальнейшей волокиты зарегистрировать священника Никанорова Михаила.

16/08 – 37 г.

Председателю Турховской религиозной общины

Пахомовой Череповецкий РИК сообщает:

Вследствии распада церковной 20-ки (осталось всего 7 человек) в регистрации служителей культа отказано. Если церковная 20-ка не будет доизбрана, то заключённый 10/08 – 33 г. договор теряет законную силу и церковное помещение будет подлежать изъятию.

16/IX – 37 г.
В Президиум Р.И.К.а

Киселевский с/совет сообщает, что Турховская церковь закрыта, так как религиозная 20-ка не организована и Киселевский с/совет считает нужным использовать церковь под школу.

Заседание
Президиума Череповецкого Р.И.К.а
От 20-21 сентября 1937 года

Постановляет:

1. Ликвидировать Турховское религиозное общество;
2. Поддержать ходатайство Киселевского с/совета перед ОблИсполКомом о передаче Турховской церкви с/совету для использования её под школу.

Председатель – Шарыпин
Секретарь – Савушкин

24/XII – 38 г.
Организационному Президиуму Верховного Совета

Череповецкий Р.И.К. сообщает, что от 30 ноября 1938 года по ходатайству граждан (на проведённых среди населения собраниях), Президиумом Киселевского с/совета решено – зимнюю Турховскую церковь закрыть и передать под культурные нужды – школу.

Январь 1939 года

Комиссия по ликвидации 28 января в соответствии со статьей 40-42 о культурах произвела ликвидацию церкви и изъятие церковного имущества:

1. Здание церкви и амбар передали Киселевскому с/совету
2. Серебро из 15 предметов – в Череповецкий банк
3. Парчу из 164 предметов – в Москву
4. Предметы истории и искусства в кол-ве 12 предметов – в Череповецкий музей
5. Платки и ткани 63 предмета – в Леонтьевский с/с
6. Шкафы и скамьи 46 предметов – в Киселевский с/совет
7. Металл цветной и бумага (макулатура) сдана в артель «Утиль».

Источник – Череповецкий центр хранения документации

СОДЕРЖАНИЕ:

ДВОРЯНСКИЕ ГНЁЗДА

По ком звонит колокол.....	3
По следам шести богатырей.....	9
Дворянские гнёзда.....	12
Барин, убитый пнём.....	17
Бурмистр, отправленный в преисподнюю.....	22
Адмирал и сын.....	26
Неопалимая Купина.....	31
Серебро старого ворона.....	35
Сердобольная барыня.....	39
Кровь героя.....	43
Древние тайны Череповецких болот.....	46

НЕИЗВЕСТНЫЕ АРХИВЫ

Закрытие Дементьевской церкви.....	49
Закрытие Парфёновского монастыря и церквей.....	58
Закрытие Турховских церквей.....	60

Любомирская Л.П.
Дворянские гнёзда. Неизвестные архивы, Череповец, 2007

© текст: Любомирская Л.П.

© Макет: Кузнецов Н.В.

PR: Эпанаев И.В.

Авторская редакция

Фото на обложке: Любомирская Л.П.

Собор «Нечаянная радость» Парфёновского женского
Богородицкого монастыря Неопалимая Купина